

Юз Алешковский

Предпоследняя
Жизнь

Записки везунчика

Юз Алешковский

**Предпоследняя жизнь.
Записки везунчика**

«Издательские решения»

Алешковский Ю.

Предпоследняя жизнь. Записки везунчика /
Ю. Алешковский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838230-7

Роман-Мечта-Рецепт... Роман — признание в любви Творенью в целом и отдельным его «терновым венцам» в частности. Курс наинowejшей истории с элементами анализа, исполненный в фирменном юзовом «оригинальном жанре». «Предпоследняя» попытка сформулировать свои зрелые мысли как можно ближе к своим перезрелым чувствам, лирическим, трагическим, провидческим, религиозным... создать иероглиф, описывающий всю полноту ощущения своего пребывания на земле между двумя вечностями...Ольга Шамборант.

ISBN 978-5-44-838230-7

© Алешковский Ю.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	11
3	15
4	17
5	21
6	24
7	26
8	31
9	35
10	37
11	38
12	41
13	43
14	45
15	49
16	50
17	53
18	57
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Предпоследняя жизнь

Записки везунчика

Юз Алешковский

Всем моим новым друзьям, как говорится, от А до Я, в первую очередь – Андрюше Макаревичу с гитарой, Наташей, «Машиной Времени» да Лёне Ярмольнику с Ксюшей, Сашкой, سینема, палитрами и старинными «Победами», а также обеим сворам их прелестных псов.

На пути к себе, к своей той жизни, ради которой живем, мы стоим, то смиренно, то бунтуя, в огромной очереди. Впереди – проблемы.

О. Шамборант

Ни шага вперед, но ни шага назад!

А. Битов

Каждый навеки определен одним-единственным мигом жизни – мигом, когда человек встречается навсегда с самим собой.

Х. Борхес

...и каждый день уносит частичку бытия.

А. Пушкин

Иногда очень важно уметь принимать действительное за желаемое.

Маруся

© Юз Алешковский, 2017

ISBN 978-5-4483-8230-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Начну, пожалуй, с исторического происшествия, в память о котором, как и о деде по отцовской линии, был я назван при оформлении метрик Владимиром Ильичом Олухом; тайком от предков крестила меня ради моего же – в настоящем и будущем – благополучия любимая моя баушка; так я ее звал, так зову, так всегда буду звать в своей памяти. В очень зрелой и счастливой молодости дед мой, тоже Олух Владимир Ильич, – со слов баушки, с малолетства не боявшейся причащать внушонка к своим мыслям и семейным легендам, – продвинул был обстоятельствами времен и странной игрою судеб в личную охрану тогдашнего Сталина лет через десять после смерти Ленина... там у них в Кремле вечно грызлись члены политбюро... старались поднахезать друг другу прямо в голенища шевровых и хромо-вых прохарей, чтоб не выпускать вожжей из рук... а их охранники вели себя соответственно, но гораздо проще... эти прохиндеи тискали анонимки, дрались из-за антиквариата, конфискованного у расстрелянных, могли оклеветать корешмана ради увода у него бабы, либо для занятия служебного места или от тоски по существенному расширению казенной жилплощади... сегодня, как говорится, рыло у деда было в сметане, а завтра – хрен в кармане... его с ходу вышибли бы из органов, затем взяли бы, скажу уж прямо, за жопу – и в деревянный, как это у них случалось, конверт...

Однажды дед-долгожитель и баушка-долгожительница повезли меня, пятилетнего, в отпуск, в деревню; там я и услышал прямо из уст поддатого деда, нисколько не трухавшего стукачей в такой глуши, следующее откровенное признание.

Баушка явно слушала деда не в первый раз; глаза ее были полузакрыты, поэтому я не замечал их выражение; и только лет через двадцать понял, что лепили именно так внимают бреду людей, подозреваемых в стебанутости.

«...и вышло так, дорогая ты моя Ольга Модестовна, что телохранительствовал я за шторой... вдруг дикое одно безобразище из этой самой, ну из твоей «померклатуры», докладывает Хозяину, что, дескать, сумел пробраться к вам, Иосиф Виссарионович, в близкое окружение, следовательно, прямо в нутро партии и правительства, один человек сомнительной национальности... он вызывающе нахально носит имя... очень виноват, произнося его вслух, и не моими устами будь оно, это имя, сказано – Владимир Ильич Олух... внешность – полностью белогвардейская, надо полагать, заслан таковой в сердце Кремля или прямо из пидарасов царского режима бывшей аристократии, возможно, завербован по этому делу англо-троцко-масонской разведкой бывшей Антанты... ну а Хозяин что? – он сразу же зашел за стариннейшую штору широченно кремлевского своего окошка, где в тот момент торчал я и справлял неприметное свое дежурство со стволом наперевес... он схватился за живот и начал, может, самовольно, может, натужно издавать малопонятные звуки, частично похожие на испускания его же газов в момент кремлевского банкета... на то человек и Хозяин, чтоб не смутиться при телохранителе из-за линии интимного состояния личных нервишек... видать, развеселил его, сука такая, ягодовский доносоносец... затем эдак персонально выходит в шевровых своих прохарях из-за шторы, а на мыске-то одного прохаря, как мне кажется, прилипло что-то такое кроваво-беленькое, наподобие обрывка мозга... выбивает на хер трубку об каблук, паркет, ясное дело, обсыпавши пеплом, что было известной приметой больших неприятностей для всего кадрового состава... нехорошо сыпать на пол пепел, нехорошо... ведь, если правильно глянуть, паркет – он что партком: много воспринимает и рассказывает, что именно люди о себе думают, к примеру, культурный, образованный человек на паркет не плюнет, тем более не харкнет... выбил, значит, трубку и так приказывает ягодовскому гаденышу, зверски желавшему подсуропить мне лично за поношение, так сказать, великого имени-отчества, бросая тень на всемирную фами-

лию, – ты представляешь? – самого простого из всех прошедших по земле людей, хотя не раз в гробу я его видал... нет, ты не похихикивай, ты представь: сволочь прет именно на меня, так сказать, на чекиста, понимаете, от бога, который, не икая от страха, за три секунды успевает влупить по пуле промеж глаз опытным покушителям на жизнь тренировочной фотофигуры деревянного макетовождя... если спросишь, на хрена тому гаденышу было мне подсуропливать, то скажу тебе так: безусловно, для того чтоб сменить самого бдительного телохранителя, а затем – затем даже страшно выговорить, что затем... пиздец Америке – не менее, а нам с тобой тем более, – вот что затем... ты вот то и дело испытываешь, словно бы у врага народа, каким он был в жизни-то – этот мой Хозяин страны, заодно и всего советского народа?... плесни, что ли, чуток из фляжечки для расширения целого ряда сосудов, как доктор прописал... неофициально отвечаю на данное твое любопытство: неслыханным убийцей являлся, каких, конечно, мало, – вот каков он был, Хозяин, понимаете... Иван Грозный рядом с ним – что одинокая вша на голой жопе... только он и разве что фюрер – вот две пары сапог, остальные – лапти, бредущие по шву вдоль вонища как бы в светлое будущее... одна пара – в какой-то рейх вступает, другая – на вершины, мать их ети, взбирается... но лично Хозяин простым в быту был человеком, на чистильщика сапог похожим, что сидит на Ордынке и чуть ли не усищами наващивает мыски штиблетин, чтоб ни грязинки на них, ни мозговых крошек, ни соплей с вражеских носопырок... вернемся в Кремль... разве не везуха, что отработал я в нем всю свою трудовую жизнь? – везуха... да причем такая, если верить народу, как будто я в детстве жрал говно кошачье и собачье... значит так, Хозяин, не будь дураком, приказывает ягодовскому гаденышу: «Кругом, понимаете, шагом марш – в секретариат, немедленно начать срочный созыв заседания политбюро, временно свободны...» все, думаю, раз перешел на «вы» – пошел человек на понижение, если не еще ниже... тут заявляются, иносказательно говоря, члены, членокандидаты и прочие херы моржовые... каждого подозреваемого насчет попытки покушения – это в обязательном порядке – взглядом высвечиваю насквозь... шмонаю возможную сукоедину так, что вязальную спицу в очке не пронесет, не то что пистолет с ядовитой пулькой или гранату... тут Хозяин сообщает, дымком попыхивая, прям как паровоз, который говно возит и на тебя вот-вот наедет: «Некоторым горе-администраторам, товарищи, страдающим активно протекающей манией преследования вышестоящих работников партии со стороны секретариата и руководства, примерещилось, понимаете, что имя-отчество моего телохранителя Владимира Ильича Олуха направлено в виде провокационно подбодочного намека против великого Ленина... только недалекие враги народа и оппортунисты всех мастей могут связывать олуха царя небесного с великим гением философских проблем природы, руководимой вечно не уходящим от нее и от нас Лениным... как видим, молния ВШШ, вредительски шаманской шпиономании, ударила гражданину Разведцкому прямо в левоуклонистский мозжечок... теперь, спрашивается, что? – партия должна пойти на поводу провокатора, затем объявить о розыске на необъятных просторах советской родины, сбросившей в Сиваш иго самодержавия, всех еще имеющих в нашем народе Владимиров Ильичей?... может быть, саморазоблаченный Разведцкий посоветует партии большевиков начать всеобщую, неслыханную в истории ВКП (б) внеочередную перепись населения страны для выявления дальнейших Иосифов Виссарионовичей Вышинских, Климентов Ефремычей Шкирятовых, Анастас Ивановых Литвиновых, Семен Ивановых Тухачевских и прочих Лазарей Моисеичей Мехлисов – так?... нет, товарищи, врагом народа с сегодняшнего дня является не заслуженно закрытый народный телохранитель СССР Владимир Ильич Олук, а коварный вражеский наймит Разведцкий, ранее занимавший ответственный пост... тут гаденыша, выводя из кабинета, поддержали за руки, так как ноги евонные подкосила несгибаемая логика Хозяина, а на самый паркет закапало и вообще невозможно вокруг завоняло... такое вот было дело... м-да, хрен ли говорить, наряду с перегибами обожал он, бывало, давнишнюю шутку еще

детских своих времен, поэтому не раз с руководящим выебоном распоряжался, чтоб я ее демонстрировал... выебоны же у вождей – они не те, что у нас, у простых людей как доброй, так и злой воли... надо сказать, данные выебоны всегда имели более чем всемирно пролетарское влияние на братские компартии... к примеру, ожидается деловой прием китаезской делегации... за сутки до протокольного выебона величайший убийца всех времен и народов приказывал мне ничего не жрать, а за два часа до сольного номера, вроде бы я Лемешев или Козловский, сшамать буханку черняшки, запивая последнюю кефиром, что ускоряет брожение и усиляет гласность... делаю вид, что нисколько не унижен, ни на грош не оскорблен, наоборот, гордо рею, как одинокий парус буревестника... что делать? недоумеваю, как и мой полный тезка... ни хрена не поделаешь, приходилось, скажу уж как жене, поневоле сглатывать что приказано, запивать чем велено... через час вызывают, а в брюхе-то уже шурум-бурум и так называемые бурные аплодисменты, переходящие черт знает во что взрывное... захожу – за приемным столом уселась, косоглазо прищурились, делегация китайцев... все худые, все желтые, все во всем синем и даже не мигают... как и положено, каждый череп ейного члена, то есть делегации, находился на прицеле подкомандных мне телохранителей – не лыком были шиты... Хозяин велит мне согнуться пониже, чтобы своеобразно доказать китайцам наличие в здоровом теле ВКП (б) здорового духа всей страны, а заодно уж и всего народа, который – чего-чего, а пропердит свое расовое превосходство почище любого немца, кислой капусты нажравшегося... если же по-простому, то было приказано поднатужиться и пернуть со всевозможной силой, с учетом акустики метража помещения... сгибаюсь, согласно приказу, а меня и без глубокого вздоха уже разрывает на части внутреннее давление... он чиркает спичкой, а та, сучка, не зажигается... чиркает второй – зажглась, на мое счастье... приближает он ее непосредственно, извини уж за правдивый уклон в неоткровенность, – приближает, понимаете, горящую ту спичку к выхлопной трубе моего глушителя, точнее было бы сказать, глушительницы... ну я выдаю долгий продолжительный звук, немыслимый, допустим, в автобусе, и тут же весь сзади вспыхиваю секунд на пятнадцать, на манер Сергея Лазо в паровозной топке... ох, ты знаешь, дорогая подруга жизни, гораздо легче стало, как тому же паровозу... китайская компартия, конечно, положенным образом бурно аплодирует, но смеха не было ни в коем историческом случае – одни уважительные улыбки, все серьезно встают с мест, ну и все такое прочее, начинается жоповылизывание... еще раз подчеркиваю, Хозяин уважал всемирную славу еще с церковной школы, откуда его шуганула царская охранка... повылизывала делегация, дает он ей знак сесть, потом внушительно разъясняет, что прозвучавшее без слов иносказание передает лично Мао Цзэдуну директиву великого Ленина о необходимости использования внутренних резервов в деле строительства коммунизма и дальнейшей разработки ядерного оружия для борьбы с драконом империализма... ох, Ольга ты моя Модестовна, если б ты знала, как я падлу эту усатую ненавидел – аж тошнило, аж выворачивало наизнанку – хоть прямую кишку вправляй обратно... ведь такое согнутое положение все моральные силы в человеке выматывает и выкручивает всю его душу, как ты это делаешь с простынками, полотенцами и с моими же фиолетовыми кальсонами... ты вот законно возмущаешься, почему не замочил я его?... ну что, мол, стоило взять и пырнуть злодея ножиком? – пырнул разок, и все... сколько, Господи, миллионов хороших людей сохранилось бы, нудишь и нудишь, с тыщами отличных специалистов и каких-то Гумилевых... раскулачивания, утверждаешь, никакого бы не было, ни голодухи, ни колхозов, ни войны, ни плена, ни восстановления народного хозяйства, ни лагерей, ни пятилеток с займами развития всенародного разгильдяйства, ни многосердечного горя, так?... а я вот возьму и отвечу, Ольга, дорогая ты моя Модестовна, с беспартийной выскажу тебе прямою всю правду общественной нашей жизни на глупый вопрос «почему?»... плесни чуток... «почему?», видите ли... а потому что, ебена мать, не один я двадцать раз мог его пырнуть... тут тебе, скажем, Троцкий, Бухарин, все уклонисты, члены

любого политбюро, профессора, повара, Джамбул, Шолохов, включая Леонид Утесова, все большие, мать их ети, друзья Советского Союза, артистки-полубовницы, генералы, убийцы в белых халатах, охранники, челюскинцы, Чкалов, Стаханов с Мамлакат Мамаевой, авиаконструкторы, министры, Петр Алейников с Николай Крючковым, Рина Зеленая, Ляля Черная и сам Михаил Зощенко, в конце-то концов... да каждый честный гражданин мог бы полоснуть его на банкете по горлянке безопасной бритвой, чтоб спасти народ и отечество... между нами, ничего не стоило спокойно пронести то всеразрешающее лезвие в каблуке, ибо мы не гестапо, чтоб отрывать от ботинок подошвы... но ответственность-то была на мне одном, поскольку я старшой... а на кого же, ответь, бросил бы я тогда тебя с сынком Илюшей и с невесткой – на дворника Бесшабашева, что ли, и на летчика Коккинаки?... да вас всех тоже на хер расстреляли бы, понимаете, следом за мной вместе с Коккинаками и с другими дядями Степами... и не просто расстреляли, а живьем сожгли бы в том же крематории – обошлись бы без паровозной топки... а так – я все же орденосец у вас и непосредственно Владимир Ильич Олух, а не хер собачий... кто, между прочим, прикреплен к спецраспределителю провианта с ширпотребом – Бухарин, каменев-зиновьевский блок или я? – я, выходит дело... и квартира у нас, и все вы живы-здоровы, и в отпуске мы с тобой... только вот Вовка поднабрал всем нам, родившись двуязычником заодно с великорусским матом... да если б он, идиотина двухлетний, сказал в тридцатые участковому врачу на заграничном, чтоб шел тот в жопу, то нас этапировали бы, понимаете, на Колыму... диалектика такова, что жизнь – это не только служба, а служба – далеко не вся жизнь... Хозяин, когда я свое, понимаете, отобздел, китайцев выставил, ужасно разозлился и вслух сам с собой и со мной говорит: «Китайцы, Владимир Ильич, я ихнюю маму так и эдак вместе с Мао, следовательно, очень уж бравируют, понимаете, бравируют... мы, дескать, бумагу открыли с порохом и компасу указали, куда стрелку держать, когда вся Европа ни хрена еще нюхом не нюхала, где юго-запад, а где северо-восток... сами же норовят вытрясти из Сталина дальнейшие сотни миллионов в плане победы над Чай-Кан-Шой и строительства социализма... но вы видели, Владимир Ильич, в какое положение я их поставил и намекнул лично вашим именем, что ядро атома – это им, понимаете, не порох, компас и бумага, тогда как ваш распутник Мао, доносят, каждый день ломает по две-три целки... знает, понимаете, куда стрелка его компаса указывает... когда подхватывает грипп, то ложится на одну, другая располагается сверху, а еще двое девушек отогревают с левым разворотом и с правым в него же уклоном... такого, мамой клянусь, не снилось даже Кирову с Лаврентием и с Буденным, осеменившим все наши театры и балеты – от Большого до Малого Академического... поздравляю вас, Владимир Ильич, с награждением орденом «Знак Почета» за выполнение ответственного задания...» думаю, Хозяину было по душе говорить мне «Владимир Ильич» и на «вы»... дескать, мы и сами с усами плюс самые скромные и простые из всех прошедших по земле людей... а ты вечно укоряешь: «почему не завалил, почему не завалил?..» во-первых, повторяю, у меня семья, во-вторых, жалко было, ебитская сила... по рылу его щербатому видел, что насрать ему на весь мир и на каждого человека в отдельности, раз допекло одиночество... один раз так меня и спросил: дескать, ответьте правдиво, Владимир Ильич, чего не хватает товарищу Иосифу Виссарионовичу Сталину?... если угадаете – загадывайте любое желание, как будто перед вами находится известная золотая рыбка в партийном кителе, в галифе с шевронами, понимаете, плавниками... но уж если не угадаете... не угадать, генацвале Владимир Ильич, я вам не желаю от всей своей так называемой души, если она у меня есть... веришь, Ольга Модестовна, такое меня вдруг зло взяло, что послал я его в уме куда подальше, после чего брякаю: вам, Иосиф Виссарионович, не хватает конкретной что ни на есть любви... уж на что являюсь я балериной строевого шага и ворошиловским стрелком в затылок врага, а душа в пятки ушла, тело – в поту, в башке – мандраже и мечтаю не обдристаться – паркет жалко поганить... а он переспрашивает: о какой именно любви идет речь?... о чисто женской,

отвечаю, как у нас с Ольгой... разумеется, о белогвардейском твоём отчестве, само собой, не проговариваюсь... о натуральной любви, Иосиф Виссарионович, рапортую, докладывая, а не о всенародной или, допустим, партийно-государственной, где диалектического материализма до хера и больше, а толку от такого чувства – как от козла ожидать крынку сгущенного молока... ходит по кабинету, ни гу-гу, но ведь я-то уже начинаю окоченевать от общетелесного бздюмо и печально с тобою прощаюсь... наконец сообщает: вы, Владимир Ильич, смотрите в корень, загадывайте любое желание, ничем вас не лимитирую... загадывайте, хрен с вами, все вплоть до личного присутствия на первом испытании нашей родной атомной бомбы... ничего, со слезами говорю на обоих глазах, не надо, товарищ Сталин, но имею всего лишь одно-единственное желание... и чуть было снова не брякнул, лицо твоё вспомнив с ненавистью на нем к высшему руководству во главе с Хозяином: чтоб ты загнулся, козел проклятый, у меня тут на глазах, пидарас, рога обломавший об историю... но натурально говорю гораздо проще... имею желание крепко пожать вам руку, Иосиф Виссарионович, затем чокнуться грамм по сто пятьдесят, можно без закуси... протягивает он мне здоровую руку, жму ее, затем выпиваем коньяку, подавились мандаринами из Абхазии... тут он вспомнил, что, судя по донесениям шпионов, испанец, который генерал Франко, называл его на своих совещаниях с фюрером большим Хозе, откуда и вышло слово «хозяин», если верить языкознанию херову... лучше вот ответь, Ольга Модестовна, ты-то сама, на моем находясь месте, полоснула бы его якобы безопасной бритвой по горлянке, несмотря на опасность, что поднимет тебя Берия на дыбу и с живой начнут сдирать шкуру на тапочки для Хозяина?.. то-то и оно-то, что помалкиваешь... а то заладила, черт побрал, «почему не завалил?.. почему не завалил?..» потому и не завалил, вот «почему!»... и не хера меня тут попрекать, как какую-то вшивую, понимаете, историческую необходимость, лучше плесни еще чуток...

Такую вот дедову байку слышал я в раннем детстве своими ушками; многого тогда не понял, думаю, дед баушке немало пораскидывал всякой легендарной чернухи, но ведь дыма-то без огня не бывает, как сказал в последнем своем слове на Олимпе первый в мире поджигатель – Прометей.

2

Как я давно уже въехал, первопричиной основного моего несчастья была глухая лично для меня и психолингвистики тайна; хорошо еще, думал я зачастую, что сам человек нисколько ни в чем таком не виноват, а просто каким-то неведомо случайным образом выпало ему унаследовать совершенно редчайший дар, причем явно не от самых близких предков, а неизвестно от кого именно.

Предки и на штампованном-то русском изъяснялись весьма скупой и очень заскорузлой, а из глубоко чуждых им слов крайне злоупотребляли по праздничкам «салютом», салатом «оливье» да различными «салям алейкумами»; понятное дело, звучали в застольях «антимония», «пертурбация», «о'кей», «эклер», «капут», «баста», «коверкот», «чао», «курва», «шашлык» и все такое, типа «си-карга бирали», «гамар джоба», «рашен – он бесстрашен, грабкой сами себя чешем, хером, сука, космос пашем»; поддав и загуляв, предки с гостями эдак вот косноязычили на родном великом и могучем; и речь их всегда казалась мне говноносной частью канализации, некогда накрывшейся обломками Вавилонской башни.

Короче, предки и всякие дядюшки с тетусками считали меня чмуроватым непонятным чудовищем – почти что шестиногим теленком; мамаша часто сокрушалась:

«Многое из-за твоего несчастья пошло в нашей семье сикись-накись... не знаю, за какие грехи послано нам твое уродство... просто не знаю я этого и не хочу знать, потому что никто не знает ничего такого».

О«кей, думаю, монстр так монстр... с ранних лет допер я, что согласие мое с таким мнением крайне выгодно: меньше будут лезть в дела ума и в сердечные заботы детства... а раз так, то надо всегда помалкивать в тряпочку... пусть себе бздилогонят и твердят, что вот подрастешь, распустишь иностранщину языка, которая в тебе, к горю нашему героическому, наличествует, и тогда уж подзалетишь за связь со спецслужбами мировых разведок...

Став постарше, я все-таки пытался допереть, как и откуда взялись у меня языки, которых никогда я не знал... приставать с недоумениями к мало чего знавшим предкам было бесполезно; вопрошанья мои только злили их и раздражали.

Насколько старше нынешнего моего мозга хранящаяся в нем прапрапра, словом, мета-память?... как именно и почему возник Язык, становясь постепенно знаковой системой, не только копирующей все частицы земного Творенья, но и заглядывающей в дальние уголки Вселенной, – системой, которую вполне уместно именовать цивилизацией Духа... ни в одной из энциклопедий, книг и учебников не находил я ответа на массу вопросов; мне везде светило только пусто-пусто... в новейших исследованиях лингвистов, антропологов, психонейрологов – всего лишь предположения и начисто бездоказательные версии... даже большие ученые не смогли бы ответить, с чего это вдруг, всемирные нарушив законы, взбунтовались, закосорылили, захромали хромосомы предков и странновато перетасовались иные генетические чудеса в важный для моей личности момент зачатия; нигде не говорилось, почему редко в ком-либо возникает, а тут взяла и возникла в слизистом сгусточке будущего моего мозга замечательная память о разных языках, быть может, и о целом ряде прошлых жизней?... что это за матрички – невидимые такие чипы – с запечатленными на них звуками, буквами, грамматиками, синтаксисами, с возможностями музыки, поэзии, абстрактного мышления?..

В природе человека, однажды подумал я, полно генетических тайн и чудес, не ясно почему, неожиданно вырывающихся вверх со вроде бы начисто уже истлевших ступенек лестницы эволюции, ставшей однажды эскалатором истории человечества, его культур, религий, искусств, всякого рода отношений и так далее... эскалатором, заметим, не всегда движущимся только вверх... и вообще, возможно, имеется в тайных хранилищах моей

памяти какая-то информация о пребывании дальних разноязыких предков на этажах той самой Вавилонской башни?... а теперь вырывается вся эта информация напрямик в сознание человека – тернового венца Творенья, как шутила одноклассница Маруся, дико в которую я втрескался, как, впрочем, и она в меня.

Скажу уж сразу: ничего не было сладостней обменивания с ней на уроках различными умными и всякими дурацкими посланиями... в конце концов такими стали мы близкими друзьями, что со временем стал у меня торчать только на других девчонок, с которыми общимался, но это нисколько меня не беспокоило... да и жизнь была такова, что в голову не приходило думать, как относится Маруся к совсем новой в наших жизнях странице... тем более явное ее равнодушие к злободневной проблеме секса нисколько не мешало нашей дружбе... не буду отвлекаться.

Иногда, особенно в раннем детстве, пробирал меня ужас из-за внезапного исчезновения в башке родного языка... непонятно почему я начинал думать только на английском, а в минуты особенно острой умственной тоски – и на латыни... такое вот отличие от всех знакомых мальчишек, девчонок и соседей огорчало, подавляло, отдаляло от сверстников – словом, устрашало... вероятно, только из-за всего такого я часто бузотерил, убегал из дома и из школы в деревню, к баушкиной племяннице... там я по несколько дней валялся на печке, молчал, унять старался возникавшую в уме разноязычную щенячью возню... время и местожительство переставали для меня существовать, пока родной русский не брал верх над таинственно унаследованными языками.

Со временем мне стало ясно: какими случайными были расклад генов и прочие тайны зачатия моей личности, такими же странными будут и жизнь моя и моя судьба.

Если б не баушка, никогда не узнал бы я, что первые слова произнес очень рано, когда еще не начал ходить... это были ни с того ни с сего произнесенные три слова, точнее, два существительных и один глагол: «хуй», «пизда», «ебаться»... к счастью, услышала их только баушка... она немедленно и строго объяснила, что три этих слова – одни из самых первых слов, сказанных исключительно по детородному делу, а не потехи ради, еще недочеловеченной, только что начавшей преображаться полуобезьяной... поэтому давно-давно подобные слова были словами священными... они намного старше нынешних священных слов, которых становится все меньше и меньше... но люди таковы, что только и делают, что превращают святое в грязное и ругательное, потом быстро привыкают считать святым многие свои непотребства... баушка тогда же очень серьезно, как большому мальчику, сказала мне, чтобы три этих слова я больше не произносил... вот вырастешь, говорит, тогда напроизносишь... сказочное дело, слов этих я больше не произносил, пока жизнь не бросила в стихию дворовой речи.

А вообще, заговорил я очень поздно; предки даже перепугались, не немой ли я, хоть слух имею острый; меня таскали по кабинетам специалистов, а я уже сам с собой давно балаболить на двух языках, не зная на каких именно; впоследствии они оказались английским и латынью; когда поднадоела возня вокруг моего «придурочного» молчания, я наконец-то заговорил, но, к ужасу деда и предков, не на родном русском, а на какой-то иностранщине; успокаивала их баушка, прочитавшая в читальне о редких, но имевшихся в истории мистики и психиатрии случаях такого рода, до сих пор не объясненных наукой...

Вот одно из самых первых моих воспоминаний: какой-то праздничек, гогот, чоканье, пирожки, винегретик, конфетки, я налопался от пуза, дремлю в своем закутке, но слышу треп предков и родственничков.

«Да будет тебе, Тоня, хныкать, ну хули ты, скажи, зазря гунявишь?... вырастет твой вундер-шмундеркинд, куда он на хер денется с таким талантом, пойдет в цирк ишачить, я с замдиректора по кадрам на „вась-вась“, да и с самим боссом корешу по баньке... там у них мутила один, Цукерман, цирковое погоняло Сахарок, прямо на арене однозначно,

понимаете, из личной репы извлекает не хер собачий, а кубический, падлой быть, корень из нечетного – вот в чем дело – трил-ли-о-на, а это уже охуительный факт, далекий от целого лимона... вот что значит талант ума и никакого мошенства... тогда как мы с вами вообще – да мы из столыника хера с два корень выдернем кубический, когда нам и до квадратного ебаться надо с семнадцатого года... но почему, скажите, извлекает его не я, который русский Иван, полмира, блядь, подмял под себя, а чуждая нам национальность?... потому что *они* тыщи лет гонимы с места на место, их оскорбляют, унижают, жгут миллионами, почти что как воров в законе, а они все считают и подсчитывают накопленные капиталы, пока мы засираем тут одну шестую часть света всякими ебучими идеями, дымом, химией и пятилетками, – вот почему, ебена кровь... наливай... ну, за Вована твоего, Тонька, вмажем... поскольку он у вас так же, как мандеркинDISTый Сахарок, даст еще всей стране угля, мелкого, но, извините уж, до хуя, как обещал Сталину Стаканов, это сучья „Правда“ переиначила его в Стаханова... тогда как партию не наебешь, ее ЦК въехал, что просто невозможно по-хамски называть какими-то „стакановцами“ всех героев труда... короче, скоро вся иностранщина и туристня к нам попрет со своими флагами: американцы, англичаны, словом, весь глобус, сколько бы он там с семнадцатого года ни крутился-ни вертелся в другую сторону... но смотри дальше... рассаживаются, значит, все иностранные в партере и на балконах, так?... балагурят и задают Вовану на любом ихнем языке самые подъебонные мировые вопросы... а Вован, злодей, весь он, бляхой буду, как с другой планеты, сверкает у тебя, Тонька, будка прямо в пудре и в помаде... и всякое на евонном теле бляманже, мундир с эполето-погонами, брильянты-изумруды, волосня на плечах... короче, не Вован, а конкретно какой-то Ломоносов, которому ходить-то далеко никуда не надо, он весь перед народом, как на ладошке, культурно говоря, заебись... на чем я стою-то, как спросил слон у носорога, на свой же наступив шершавый, ха-ха-ха-гы-гы-гы – наливай, широка страна моя родная!.. и вот Вован, не долго думавши, выдает ответы на американском, английском, ну и туда же пришпандоривает белофинна с мордвой и ныне диким тунгусом... пиздец – все встают, буря мглою небо кроет, бурные овации всего цирка, хипеж „Слава нашей партии!“ и прочая херня... главное, бабки капаят, и это, скажу я тебе, Тоня, гораздо лучше для Вована, чем двинуться по воровству чужой собственности, затем связаться с картишками...»

А вот иные лики младенчества и детства: ужасными сказками с хреновым концом и прочими нелепыми страшилками предки строжайше внушают трекать с соседями и в детсады только на языке папочки-мамочки.

«Ни в коем случае не держи в головке всякую инодребедень, туда лезущую... если же придут в нее, в глупую твою балаболку, незнакомые слова, ты уж ради Христа, Вовочка, не болтай на иностранщине-тарабарщине, помалкивай Христа ради... лучше отрубить себе язык, чем выбалтывать черт знает что... иначе нас с отцом посадят, пытать будут, пока не сознаемся в шпионстве на разные разведки, а тебя заберут волки в больницу, что за колючей находится проволокой, потом будет еще хуже... ни кина, ни ящика, ни печеньица с компотиком – ничего, только четыре стены, посередине койка, а на койке – ты, и в ротике у тебя кляп, чтоб держал, урод, язык за зубами... да ты не загубить ли нас желаешь за то, что мы тебя произвели на свою голову, а?»

Поначалу, года три, сидя дома с баушкой, я вообще помалкивал, тайно радуясь количеству разноязыких слов, которые сами с собою играли, резвились, барахтались в башке, словно тигрята, львята, козочки и ослики в детском загоне зоопарка.

А предки так упирались на работе, что им было не до обучения меня родному языку; чему-чему, говорят, а разговорчикам и треканью жизнь сама тебя научит; вон гляди: птичка чирикает, свистит, по-клецивает, гули-гулит, цацакает без всяких консерваторий-филармоний, собака лает, кот мяукает, коровка мычит, а вожди речи говорят, херню с потолка обещаю всякую мудозвонскую, хорошо, что хоть Сталин подох, не так сажать стали... а иначе

тебя давно сгноили бы на урановом руднике и ничего бы ты не узнал хорошего о девушках хороших, не выпил бы, не закусил, не попел песни, невесту не привел бы в дом, может, внуков нормальных нарожали бы... Господи, за что ж Ты послал нам такого, не за дедову ли в Кремле службу у Антихриста?..

Однажды ночью я случайно подслушал, как поддатый предок шутиливо спрашивал:

«Дело прошлое, Тонюш, ты там, как говорится, не подвернула ли, между делом, бронетанковому маршалу, которому с пятилетку уже шоферу, или, что еще хуже, заграничному какому-нибудь нашему Штирлицу?.. эти до дюжины языков выучивают... маршал пил в машине с одним таким, и до того допились, что все эти языки у нашего Штирлица начали переплетаться друг с дружкой... у маршала прям фары на лоб полезли... потому что, рассуди сама, не ветром же в Вовку надуло все эти противостоящие нам части инородной речи... причина-то должна быть, куда от нее на хер денешься, судя по марксизму с ленинизмом?.. да я сам бы, если хочешь знать, дрогнул перед маршалом на твоём месте... мы с тобой, Тоня, простые люди доброй воли... палкой больше, палкой меньше – чего ж тут фактически жлобствовать и службу терять из-за пустяка?.. ну не плачь, хрен ли ты, обернись, что ли, люблю ведь я тебя... хули строишь из себя помесь Зои Космодемьянской с Валькой Терешковой, когда жизнь у нас одна на двоих... не хочешь колотиться – не колись, что было, то было, а чего не знаем, того и не было, вот и все... ты ведь тоже для наладки нервишек в дом отдыха ездила сама по себе... одно пойми: если б нам голую правду узнать, откуда все это у Вовки взялось, то нам полегчало бы, что скажешь?.. у маршала моего в Бурденке знакомый есть очень замечательный хирург, он и сделал бы Вовке такую же операцию в мозгу... теперь маршал больше не орет во сне: „В атаку!.. смирна!.. вольна!..“ только водку жрать ему не велено, поэтому он и просит супругу вставлять воронку в дырку черепа и заливать туда с полстакана... ну откудова, скажи, эта зараза в нашем идоле заморском?.. не ветром же, повторяю, ее надуло?» «Откуда, откуда?.. вон у Сталина мать была шлюховатой прачкой, а мужик ее вкалывал сапожником... что он, что она – вроде нас с тобою, мудаки мудаковатые, а сынок их был ворюгой и бандитом, как братец мой Пашка, из семинарии его поперли куда-то на нары, а он, вишь, в какие корифеи выбился, до которых всякому Гитлеру шагать-маршировать и плясать вприсядку... „откуда, откуда?“ – откудова, вот откудова... и не дотрагивайся до меня, скотина олуховатая, езжай за этим делом в дома отдыха!»

3

Предки мои были людьми добрыми, но темными и запуганными режимом; их самих так напыхивали в детстве, что они, наученные горьким опытом времен, старались привить осторожность со скрытностью и мне; если и задумывались о вопиющих странностях пресловутого поступательного движения Истории к светлым вершинам будущего, то никогда и нигде не высказывались о бреде собачьем совковой действительности; когда осмеливались поносить власть коммуны, то делали это только в кровати, причем шепотом; видимо, побаивались, что могу заделаться Павликом Морозовым, чудовищем этим поганым, висевшим и в столовке детсадика и над школьной доскою; один вот выдающийся поэт Плисецкий, предок с ним пьянствовал, сказал про добрых замороченных людей так:

на всех давила чья-то воля
лишь опутив усы в бокал
интеллигентный алкоголик
о демократии вздыхал
за все грядущее в ответе
мы рты замкнули на засов
о детях думали, но дети
не поняли немых отцов
а вождь смотрел на нас с портрета
непостижим непогрешим
в Немецтине случилось это
тяжелый был тогда режим...

Мне еще повезло: согласно моде и профсоюзным чудесам предки сделали потрясающий, чисто шахматный ход; они по благу устроили меня в крутой английский детсадик при органах, чтоб как-то закамуфлировать врожденное знакомство невинного ребенка с основным шпионско-империалистическим языком, подло окружившим страну первого в мире свечка коммунизма; заодно, по категорическому настоянию баушки, взяли аспирантку, чтобы занималась со мною латынью; вот какой фарт клюнул мне в задницу; вместо комплексов поселилось в психике сплошное удовольствие; меня уже открыто называли вундеркиндом; однажды пригласили поучаствовать в телепередаче; передача оказалась дешевенькой, но предки стали выдавать бабки на интересные книги, а я, им в ответ, постарался учиться на четверки, если не считать арифметики и алгебры, которые мой мозг отказывался воспринимать, – не считал он их предметами своего интереса; получал я по ним тройки только благодаря помощи Маруси, той самой соседки по парте.

Но мать все равно вечно причитала: «Горе ты наше горюшко, откуда ты только такой взялся с чужими-то словечками?.. Господи, ответь, за какие такие грехи выпало на нас внеочередное страдание, когда за холодильником третий год стоим, ни хрена не получим?»

Не понимали бедняги-предки, какой высоконучный вопрос ставят они перед вечно помалкивавшими Небесами, по-моему, принципиально не желавшими отвечать людям не то что ни на один из неразрешимых мировых вопросов, но и на чисто бытовые недоумения тоже.

В школе болтал я на английском лучше учителей, которых поражал запасом слов и мгновенным вниканием в различные идиомы; правда, никто из них не знал, что в памяти моей бездонной хранятся целые странички прочитанных книг и чуть ли не весь «Краткий русско-английский словарь», и все это куплено было в магазине «Иностранная книга»

на бабки, сэкономленные на мороженом и конфетах; и все книги не просто хранятся, а жаждут поскорей сплести свои странички со страничками французского, немецкого и итальянского словарей – со всеми в них словами, словно бы чужими то близкое, то далекое, однако ж явное между собою родство; узнавание его в языках с каждым годом создавалось мною все ясней, все сильнее; оно требовало свободы восприятия и мышления, как воздуха, как воды, как жратвы, как сна и сновидений; хотя однажды до меня дошло, что за неким пределом – стоп: здесь, в глубинах глубин, властвуют тайны тайн, поэтому в материнские и отчие лики Праязыка никогда не взглянуть ни одному из смертных.

О«кей, думаю, вот и славно, что никто ничего не понимает, тем более чем ближе ты к тайне подбираешься, тем она оказывается дальше от тебя... горизонт по сравнению с нею – всего лишь эффект шарообразности родимой земли... правда, эта тайна то доводит ум до уныния, то веселит и дразнит, усиливая жажду подобраться поближе... лучше уж, показалось мне, слепо идти на поводу инстинктов, чем пытаться познать непознаваемое... с удовольствием дыши, пей, жри, читай, смотри, кемарь, верь и жди явления единственности истинной любви, словом, соответствуй жизни, а не превращайся в раба науки, заведомо обреченного на отсутствие допуска к первопричинам Начал и Концов...

Между прочим, такое вот невеселое положение не отчаивало, наоборот, приносило оно умишке моему необыкновенное спокойствие... словно бы, сознавая скромность имеющихся у него возможностей, ум чуял, что врубиться в суть такого состояния как в знак наличия непостижимых, тем не менее ясных смыслов – драгоценная радость... такие смыслы древние китайцы считали родственными Всесовершенному Незнанию; короче, до меня дошла наипростейшая, как будто бы старающаяся не обратить на себя внимание многих людей, скажем так, истина: Великое Незнание намного выше, неизмеримо глубже и содержательней человеческого знания, напрасно пытающегося, как сказал Козьма Прутков, объять необъятное... ведь сумма наших разрозненных, трагикомично расщепляемых на щепочки и лучинки знаний – всего лишь ничтожная частичка незнаемого Целого... точно так же и Пустота – образ бесконечной наполненности Незнаемым...

Учителя, естественно, прочили мне в ту пору будущее ученого-лингвиста, склонного, как добродушно они говорили, к праздному философствованию; я всячески пользовался их неплохим к себе отношением и, будучи еще щенком, получил возможность заниматься в Ленинке с нужными книгами, словарями, журнальными публикациями и прочей литературой; не знаю уж почему, но я никогда не торопил настоящее стать будущим; видимо, считал неотъемлемой от души свободу соответствия призванию; поэтому и плевать хотел на школу вместе с вузами и ступеньками карьеры; что касается проблемы заработка «на хлеб наш насущенный», то не буду забегать вперед.

4

Вскоре открылась мне ранее незнакомая, весьма меня удивившая и слегка потрясшая страничка жизни; вдруг я ощутил жаркое, страстное желание не отникать от плечика Маруси, соседки по парте; вообще-то предок записал ее в метриках Мэри Диановны Кругловой, поскольку сам он был Дианом – хорошо еще что не Параллелем – Геогровичем, потомственным, в четырех поколениях, географом.

Соседке по парте очень нравилось, что я привык говорить ей Маруся, а мне это имя каким-то образом сообщало чувство взрослости и родственной нежности; Маруся с некоторых пор пресекала все мои прикосновения, но без мудацкого жеманства, как другие девчонки, а смотря прямо мне в глаза странно долгим, то ли о чем-то вопрошавшим, то ли строго осаживавшим непонятным взглядом; словом, втресканность наша взаимная не шла дальше обмена записками (мы называли их «Современными»), разных обжимов на танцульках и мимолетных, довольно скучных, главное, казенных засосов в подъезде.

Я себя чувствовал гораздо свободней, когда дымил сигареткой, сплевывал на асфальт, подолгу сидел, как говорил питерский кузен, на поребрике тротуара, встречая и провожая пылающим взглядом идущих, плывущих, летящих мимо молодых, а порою и взрослых женщин; их зрелая, но неувядающая женственность с ума сводила, бредила душу, разгуливала воображение – не то что девчоночьи грудки-ляжки-попки на уроках физкультуры.

Позже, в восьмом классе, начисто меня захомутала, можно сказать, первая серьезная в жизни мечта, вовсе не показавшаяся недостижимой; плевать ей было на железный занавес, охраняемый почище самого секретного объекта; в классе по рукам у нас тайком ходили самиздатовские бестселлеры, но ни разу никто никого не заложил; даже физик, застукав меня однажды на уроке с «Лолитой», наклонился и умоляюще шепнул: «Клянусь Джордано Бруно и Галлилеем – беру ее у тебя только на одну ночь»; отказать я не мог, мы подружились; он разрешил мне списывать все контрольные у Маруси, потому что с цифрами, верней, с еще одной могущественной знаковой системой, были у меня нелады; ум просто был не в состоянии мыслить формальнологически; я так и сказал математичке: пылесосу легче стать мясорубкой, а ей, училке, велосипедом, чем мне врубиться в математику...

Отвлекся... начитавшись всяких книг, помню, искренне изумился: почему это мало кому разрешено у нас быть выездными?... кто этим правящим полудохлым крысам дал право лишать меня свободы жить так, как я того хочу, а не они?... да в гробу я видал это их понимание с понтом развитого социализма в настолько отдельной стране, что и выехать из нее невозможно, – в гробу, в гробу систему данную ебу, как говорит дядюшка Павлик... выражение это еще сыграет со мною странноватую во всех отношениях шутку, но об этом – позже... я возненавидел режим якобы самого демократического в мире, на самом-то деле вполне людоедского государства... оно насильно превращало меня в несвободного человека, в раба, навек прикованного к галере чуждых душе трудов и занятий... я подолгу мечтал на скучных уроках о свободной жизни, о путешествиях в разноречивые страны... тосковал по иным языкам, как тоскуют по друзьям, ни разу которых в лицо не видел... любого человека, раз рожден он существом свободным, я считал имеющим естественное право путешествовать на свои бабки из одной части света в другую, из страны в страну, чтобы обозревать моря, реки, озера, земные просторы, древние города, знакомиться с самыми разными людьми, растениями, зверями, рыбами, насекомыми, – черт побрал бы проклятую совковую тиранию вместе с безвыходным и безвыездным лабиринтом ее заведомо идиотской утопии.

До перестройки за плечами у меня уже было лет восемнадцать жизни; школу ненавидел, бросил ее к чертовой матери; однажды в забегаловке сообщил крутым пацанам с нашего двора, что страхнул со своих ног прах этого среднего заведения, пованивавшего кружком

прижизненного ада для юных грешников; кстати, «Божественную комедию» я читал и перечитывал в оригинале, много чего из нее знал наизусть; гениальную книгу – безбрежный океан словесной музыки и праздник Языка – выменял у одного фарцовщика на бутылку настоящего джина, который подарил мне кирюха Котя на день рождения.

На вузы тоже было мне плевать; я и сам уже мог получать в Ленинке необходимые знания – и не только на институтском уровне; читал в подлинниках работы по лингвистике, психологии, мифологии, истории религий и так далее; а Библию и Евангелие благодаря любимой баушке начал читать раньше сказок Андерсена и постоянно перечитывал.

Предкам врал, что голова перестала усваивать школьные предметы, школу бросаю, от армии меня, должно быть, комиссуют как слабоумного, с приметами эпилепсии, дебила, не умеющего отличить пулемет от пушки, а пока что поишачу рабочим в гастрономе папаши одного знакомого...

Смешно вспоминать себя сидящим во дворе, дымящим сигареткой и прикидывающим, чем бы таким заняться, чтоб наварить деньгу... Коте, моему кирюхе, было хорошо – его пахан чирикал роман за романом и захлебывался тиражами, а я сидел на подсосе... и тут осеняет меня весьма расчетливая одна идея... вызываю во двор Игорька, одноклашку, его предок командовал огромной птицеводческой фермой... так и так, говорю, без бабок не видать нам ни курева, ни танцулек под портвешковым кайфом, ни амур-тужуров с телками, затем предлагаю одну отличную идею... назавтра он прогуливает, а со школой мысленно распрощался... едем на электричке к породистым курочкам и петушкам птицефабрики отца школьного приятеля... Игорек хорошо был знаком со старшим мастером крупнейшего инкубатора... приезжаем, ставим ему бутылку и предлагаем суть дела... для начала он поставляет нам на казенном транспорте счастливое число, то есть с тыщу левых свежих яиц белого цвета, в которых два желтка вместо одного – это очень важно... разумеется, яйца должны быть не в бочках, а в таре... у вас она есть для цекистского спецгастронома... после продажи платим столько-то и столько-то, не ссы, не кинем... за следующую партию пойдет предоплата, остальное – дело наше... будь, говорим, спок – не продадим ни в коем случае, даже если захомут, по неосознанке у нас круглые пятерки... договорились, что первую партию он нам поставит ровно через неделю во столько-то, туда-то, прямо во двор «Диеты»... а в девять вечера будем ждать тебя с обмывом в «Баку», что в Черемушках... О'кей, главное дело замастырено... затем ставим бутылку Вартану, еще одному нашему одноклашке, главному художнику школьной стенгазетки... он по-быстрому вырезает на куске резины печатку «диета-плюс»... в канцелярском покупаем подушечку для печатей, само собой, и тушь, чтобы ставить на каждом яйце точную дату снесения... построили складной такой прилавочек с ящичком для бабок и заделали рекламку, которую за бутылку же отпечатал крупным типографским шрифтом старший брат еще одного нашего одноклашки... через неделю, незадолго до конца рабочего дня, грузовик приволок во двор магазина партию яиц... мы их по-быстрому же заштамповали и приклеили к стене подворотни рекламку с указательной стрелой: *«Свежие яйца с ДВУМЯ ЖЕЛТКАМИ! Оздоровительно органическая добавка к диете и домашней косметологии!»*, вывесили привлекающий взгляд финансово убойный ценник... затем народ попер с работы по магазинам... около нас моментально выросла сказочная очередица... изголодавшиеся за день люди так и клевали на рекламу двух желтков в одном яйце и на аппетитно выглядевшую овальную печать «диета-плюс»... тыща яиц – сотня упаковок – мгновенно улетела на цыплячьих своих невидимых крылышках... многие покупатели остались с носом... «До завтра потерпим, дорогие женщины и мужчины, до завтра», – сказал им Игорек... за два часа работы почин был суперклассным, навар потрясным, как выражались крутые тенивики... в «Баку» мы расплатились с мастером инкубатора, подкинули ему аванс за очередную поставку, обмыли удачу... на следующий день Игорек, заперев кабинет, трахнул в поликлинике не такую уж пожилую медсестру, а уж та не только сло-

вила кайф, но и дала ему справку о болезни... короче, за неделю продажи мы заработали более чем прилично, бодая по тыще штук в день... на четвертый, в конце работы, к нам подошли трое... это, мол, базарят, паскуды, наша подсобная территория, гоните для начала десять процентов, типа, мы вас крышуем, иначе оторвем яйца... я сказал, что о'кей, без проблем, но мы не хозяева, а боссу немедленно звякну, вот с ним вы и разбирайтесь, чтоб не попасть в непонятку... все вырученные бабки были при мне, бегу к автомату, звоню, на мое счастье, дядюшка Павлик был дома, правда, яростно злой, как волк, видимо, с бодунового запоя... так и так, говорю, дядя, выручай, тут наезжают, это во дворе «Диеты» на Калужской, бери такси, я заплачу... через полчаса дядюшка с двумя быками был тут как тут... бодр, глаза горят, жаждут крови и наматывания на руки кишок... базар у него с тремя, которые ждали, был коротким... их просто начали мудохать, но не давали слинять, пока те не встали на колени, кровавые облизывая сопли и сплевывая зубы... «Передадите, гаденыши, тому, кто над вами, что Пал Палыч, он же Падла Падлыч, не базарит с мелкой гнидой... ползите под нары, пока ногтем не придавлены...»

«Ну ты, Вован, – говорит дядюшка Павлик, – и фармазонишь, Нигерия, сукой быть, отдыхает, хотя я тобой горжусь... или меняй точку, или завязывайте с этим делом, ничем помочь не смогу... изголодавшиеся менты вот-вот пронюхают о вашем бизнесе – все, пиздец, чалма, вы в жопе, не говоря о поставщиках-реализаторах... так что не будьте двухжелтковыми диетическими яйцами».

Если б не дядюшкин «подъемочный» совет, мы с Игорьком рано или поздно непременно погорели бы... возможно, несмотря на нашу несознанку, менты призадумались бы и доперли до старшего мастера, а там уж и до папани, командира передовой птицефабрики... а так – так мы рады были, что провернули веселое дельце, прилично наварили и никого при этом не обидели – наоборот, порадовали покупателей, затравленных дефицитом, цекистскими яйцами с двумя желтками...

Рабочим в гастрономе я тоже поищачил, подкачал свои мышцы мешками муки и сахара, ящиками бутылок и консервов, но тупая эта работа через месяц остоебенила.

Дворовые урки научили меня, как косить близкую к натуральной эпилепсию за пару месяцев до военкомата; один раз я бился в падучей еще в школе – на контрольной по алгебре... все было, как доктор прописал: колотился башкой об пол, хрипел, искусал язык так, что пена на губах пузырилась кровавая, фары закатывал под потолок... потом недели две заикался, поэтому меня не вызывали к доске, а на уроках старались не нервировать замечаниями... словом, до военкомата я уже имел справку о состоянии на учете в психдиспансере... а на самой комиссии только пошатнулся и схватился за голову – они быстро меня сплавили домой, чтобы не возиться, и выдали белый билет, который в Африке называется черным, как сказал знакомый нигериец из «Лумумбы», намного более крупный, чем мы с Игорьком, мошенник.

Между прочим, предки были на седьмом небе от радости: раз я debil и эпилептик, то это обязывало сволочь соседскую относиться к странностям досадного моего развития как к заболеванию тела и души; меня это вполне устраивало.

Биться в картишки на интерес я учился в кильдике, устроенном на чердаке; везло мне со страшной силой; тогда же я понял, что могу с молниеносной быстротой – с той, с которой известные гроссмейстеры просчитывают все ходы и варианты, – прикинуть возможные расклады мастей и фигур, помня о крупных и мелких картишках, выпавших и еще остававшихся в колоде банкомета; все это не имело никакого отношения к неладам моего ума с цифрами; однажды в кильдике попутал меня дядюшка, которого уже побаивались как крутого авторитета; попутал и сказал так:

«Ты в меня, гадом быть, пошел, племяш, играй, но не заигрывайся, а если кто наедет или двинет фуфлятину – звони... я ему, паскуде, не позавидую – всю колоду проглотит, подавится джокерами и будет переваривать, пока не высерет тузов, червового с бубновым».

Я уже знал немало карточных игр и, можно сказать, профессионально зарабатывал, а пацаны подыскивали для меня в гостиницах всяких азартных лохов, нагруженных бабками; плевать было лохам на попадание – их влекла к себе игра; никогда не мухлюя, я уделывал есть во весь таких, как они; выигранного хватало и на гулево в кильдике, и на самостоятельную жизнь, и для предков, чтоб не считали «паразитом наконец-то полученного холодильника».

5

В то время я уж с месяц брал очень серьезные уроки по части предварительных игр, мужского мастерства, контролируемой выдержки и необходимой в постельном этом деле галантности у пылкой, ужасно высокообразованной, главное, незамужней соседки, знакомой по подъезду, особы средних лет, крутой чиновницы в каком-то министерстве; в лифте мы давно уж вместе поднимались, но однажды она обернулась ко мне и сказала: «Будь добр, Володик, зайди ко мне попить кофе и поговорить об очень важном в жизни деле».

Я задрожал с ног до головы, еще минутка – и струхнул бы в штаны, что уже не раз случалось и в автобусе, и в троллейбусе... мы быстро прошмыгнули в ее однокомнатную... в общем, особа нежно мне внушила, что наслаждение должно быть взаимным, а не таким односторонним, каким оно кажется не только юношам, но и многим мужчинам из идиотов мудозвонства... самое главное для таких – всунуть, кончить и вытащить, совершенно плюя на контроль и не думая, что женщина тоже вполне живой и невозможно страстный человек... «Так что, милый Володик, не робей и не стесняйся, думай только обо мне, а я буду думать только о тебе, и мы очумеем от благодарности друг другу...» между прочим, говорит, хорошие манеры в сексе – это восемьдесят семь процентов твоего успеха у женщин и залог страстной дружбы, если не удачного брака...

Никогда, думал я, не бросил бы школу, если б вместо алгебры ввели сексологию; раньше я был слаб в коленках мечтать о такой вот даме сердца, души и прочих органов; каждому остолопу и олуху, ошалевшему, вроде меня, от похоти, желаю такую вот училку жизни и одновременно премилое существо противоположного пола; о, это было счастьем и свободой, когда тело наконец-то перестало чувствовать себя несчастным из-за насильного недопущения его трижды ебанным-переебанным обществом к нормальному отправлению одной из мощнейших природных нужд, верней, сил; *сила* эта то связывала, то раздвигала, причем не только одного меня, и дома, и на дворе, и в киношке, и в вагоне метро, где, собственно, впервые и овладела она мною, лицом прижатым прямо к сиськам какой-то громадной волейболистки... всю жизнь жалею и буду жалеть, что не взял тогда ее за руку и не повел к себе домой, где никого не было... ведь она тоже пылала, я это чувствовал, мы оба *этого* хотели, и все было бы о'кей, но я, как во сне, струхнул в трусики и тут же, подыхая от стыда, от жалкости своей, от вины перед девушкой, ни за что обиженной мною, от злобы на все эти сраные порядки, – выбрался из вагона не на своей остановке... сел, помню, на скамейку на «Площади Революции», между бронзовым пограничником с собакой и летчицей в шлеме – сел, спрятал лицо в руки и заплакал: ну что это, думаю, за жизнь, злоебитская сила...

Ну и, конечно, в школе баламутила мои мозги все та же проснувшаяся *сила*; а с Марусей до того мы допереписывались и доделились взглядами на жизнь, разными мыслями об искусстве, тайнах рождения и смерти, что были просто братом и сестрой, нормально и незаметно для себя обходящимися без всякого секса.

Кроме всего прочего, вокруг ключом была жизнь; старшеклассников со старшеклассницами – где только не отлавливали: и на чердаке, и в подвале, и в пионерской комнате, и в кабинках сортиров; уверен, что ничего такого не было в ранней истории, когда у парней начинал торчать и дымиться, а девки были готовы сделаться мамашками в связи с появлением этих дел; и вот, пожалуйста, ни слова о таких проблемах в опостылевших учебниках, только отбивавших тягу не только к литературе, но и к знанию основ и начал жизни.

Так вот, сначала первая в жизни дама сердца ставила мне по тому самому любовному предмету одни колы, потом стал я получать твердые тройки, за ними покандевали сплошные пятерки... продолжалось это пару месяцев, показавшихся целой жизнью, действительно до того не похожей на прежнюю, что я впервые же осознал чувство существо-

вания... не знаю как кому, но лично мне с каких-то пор знакомое выражение «*Я мыслю, следовательно, существую*» стало казаться нелепо поверхностным, односторонним, главное, уничижающим природу рыб, червей, птиц, зверей и собственного моего существа, знающего, что идеально демократичная по своей природе *сила* уравнивает естественные права всех животных на регулярные случки – ради продолжения рода... только обоим, особенно молодым людям, представителям единственного, самого сексуально разнузданного животного племени на земле, с этими делами приходится очень туго... «сдерживайте до свадьбы свои порывы»... «берите, пожалуйста, пример с Владимира Ильича и Надежды Константиновны, по словам которой у них обоих тоже были как молодые радости, так и общие взгляды на роль пролетариата в данном вопросе научного ленинизма...» когда почетный гость нашего класса, папаша моего кирюхи Коти, известный писатель, лауреат, Герой Соцтруда, рассказывал нам о какой-то моральной херне – весь класс схватился за животики и долго ржал... поэтому меня часто и не без подъебки звали Владимиром Ильичом, потому что натуральной Надеждой Константиновной являлась жуткая гримза и завучиха школы, чумовая охотница на шибко озабоченных и обжимавшихся где попало «прыщавок и прыщавцев», как она нас величала.

Короче, меня в ту пору одолевала понятные чувства и бесили мысли о ненормальности жизни парней и девчонок, превратившихся в пышнотелых девиц; тем более по Европе и Америке вовсю продолжала бушевать великая сексуальная революция, а всех нас держали и дома и в школе в черном теле, как рабов на плантациях белого хлопка; поразмыслив обо всем таком, я и поспешил сообщить своим кирюхам, в частности, Марусе и Коте, затем написать мелком на доске пародию на высказывание знаменитого философа... моя небольшая поправка вносила в известный афоризм смысл, касавшийся не только людей, но слегка уравнивал наши естественные права с правами всех без исключения живых тварей: «*Мы совокупаемся – значит, существуем...*» Маруся была в восторге, но почему-то ни я, ни она – вот идиоты – не восприняли шутиливую мою поправку как руководство к действию... директор же долго долбал мои мозги за «изошренное глумление над великими людьми и явный намек на советских людей в приставке глагола *совокупаемся*, тем более ты, Олух, злобно его превратил в глагол настоящего времени множественного числа... а столетний Джамбул – он что, не существовал, если перестал соответственно функционировать?.. не приходи без родителей в школу».

Я и не приходил с неделю, потому что настал наконец-то момент, когда бывалая соседка, первая в жизни женщина и прелестнейшая из училок, нанесла сердечку моему неожиданный удар из-за угла... она вежливо и с предельно душевным теплом сообщила следующее.

«Ты прелесть, ты забываем, но ты ведь, замечательный Володик, все равно бросил бы меня замерзать в болоте одинокой жизни, чего я терпеть не могу и не желаю... все миновало, молодость прошла, как сказал поэт, поэтому решительно выхожу замуж за прилично увядающего представителя итальянской фирмы, которого закадрила в своем министерстве... он очень милый человек, но – буквально на глазах у всех – чуть ли не каждую минуту теребит свое хозяйство на улице, в метро, в кино, в ресторане, черт бы его побрал... эту, очень раздражающую меня манеру, особенно когда человека не любишь, он сваливает на старинную традицию итальянцев, якобы идущую из глубины веков от гульфиков, тесных для вашего громоздкого хозяйства... в общем, как мужик он в подметки тебе не годится, но, если ты пожелаешь *наку*, я буду приезжать в отпуск и с удовольствием увижу тебя в этой самой хатке... я сдаю ее на год одной валютной шлюшке – такова, мой милый, жизнь».

Я обиделся, сказал, что презираю курвящихся жен и попросил навек обо мне забыть; с ужасом, проникшим в душу из-за потери постоянной давалки, с желанием всплакнуть, как

в детстве, впервые, опять-таки, в жизни почувствовал я себя взрослым человеком, мужчиной, утолившим страсть и испытавшим, как сказал поэт, зубную боль в сердце.

А заявившись в школу, я задал вопрос историчке насчет проблемы наличия у мужиков и знати Древней Руси этих самых гульфиков, имевшихся во всей Европе, видел их своими глазами в Пушкинке... училка выскочила из класса, меня снова дернул к себе директор и категорически запретил являться в школу без предков... тогда я вышел в школьный двор и бросил кусок кирпича в окно его кабинета – выбил стекло... школа кончилась сама собою, и это было прекрасно.

6

А жизнь моя шла своим ходом; картишки, железка, вечная половая голодуха, поиски свободной хаты, мимолетные связишки, «первый у вас и, надеюсь, последний триптих», как сказал венеролог, то есть случайный триппер, проклятый трахомонус и отвратительные мандавошки... короткие романчики, вечеринки, кадрез где попало телок, таскание их, милых, по групповушным турпоходам, так сказать, в плане подпольных сексуальных мятежей тела против секретных пунктов морального кодекса строителей коммунизма... часто заедала зависть к пацанам, по-деловому крутившимся в кругах фарцлы, что-то там химичившим... размышления о собственных заработках и выборе к ним кратчайшего пути, лучше бы мало кому известного... пара приводов в ментовку, одно глупое попадание в вытрезвильню и все такое прочее.

Юность есть юность... не затягивать ведь, занимаясь карате, пояс потуже, не канать же в ПТУ... нормально, то есть по-мужски, хотелось ставить выпивку безденежным знакомым после хоккея, футбола, кино, на тогда еще подпольных концертах Макара и его коллег по «Машине времени», приятно «наезжавшей» на наши души... ходить хотелось в джинсе, в свитерках и в лондонской кепочке, небрежно повязав на шею шарфик, а не вымаливать у предков на метро с автобусом и не таскаться по плешкам в старомодном «ветхом шушуне». Картишки поглощали все мое свободное время, причем я шалел не от азартного желания выиграть, а от самой игры – от любимого пристанища Случая; в одном подвальном кильдике бурили мы, резались в очко и в коротенькую, подсматривали, как взрослые урки заделывают пульку в преферанс или устраивают впечатлительный, становившийся модным психоспектакль – битву в покер.

Странное дело, на цифры память у меня отсутствовала начисто, чего понять не мог ни один из психиатров, по которым таскали меня предки; если б не соседка по парте Маруся, то жизнь моя по арифметике и алгебре с геометрией была бы постоянной мигренью, но дело не в этом.

А вот, скажем, банкуя или играя, при феноменальном моем запоминании вышедших и, соответственно, остававшихся в колоде разномастных картишек, я с плюсовой для себя вероятностью предугадывал выпадание как крупных, так и самых мелких карт... поэтому иногда рисковал... и банкуя и не банкуя, брал к восемнадцати вальта или даму... когда надо, останавливался на шестнадцати, а то и на тринадцати, почуяв, что сейчас припрется или десятка или туз... за вечер редко когда бывал в минусе... чистил всех напропалую, пока не сообразил, что надо бы и проигрывать, чтоб не лишиться дохода и не внушить партнерам чувство безнадеги в игре со мною... естественно, не хвастался секретами мастерства и не мухлевал ни в одной из игр, кроме «буры», в которой мухлевка была официальным приемом, и, попавшись, ты просаживал партию... мне было на руку, что считаюсь всеми везунчиком, видимо, жвавшим в детстве говно кошачье, если не собачье.

Потом детские эти игры я бросил... быстро освоил тонкости преферанса... мгновенно проворачивал в башке варианты расклада и игровой тактики... но, обожая риск, никогда не удивлялся ни паршивому, ни потрясному прикупу... потом полюбил покер... мне нравилась эта игра, требовавшая не только чистой везухи, но артистизма, финтового лицедейства, сообразительной наблюдательности и построенного именно на ней бесстрашного риска, который умело притырен за флегматичностью, близкой к равнодушию... как я быстро просек, в этой игре мало кому удастся приручить полную невозмутимость, чем бы и как бы ее ни притыривать... потому что многие рьяные картежники, умеющие управлять сознанием, бессильны – они не замечают многочисленных бесчинств подсознанки, истинной хозяйки выражения их лиц, характеров, манер, состояния нервишек... а мне важно было приметить

в увлеченном игроке, кажущемся самому себе большим актером, неподконтрольную его воле черточку поведения – размеры зрачков, цвет кончиков пальцев, изменение движения рук, положение ног, особенности дыхания... все это и много чего другого говорило или о крутом раскладе, или об отчаянном риске при блефе, когда на руках полнейшая вшивота, нередко, как это ни странно, берущая верх.

Да, много чего можно в человеке заметить, если поднатореть во вглядывании в самые его, не замечаемые им самим, мелочи поведения... кроме того, в покерной битве можно было не только снять с кона кучу бабок, но и блеснуть кое-какими игровыми своими качествами, не поддающимися раскодированию и запутывающими людей, ищущих твоих психологических слабостей, «отмычек» твоего лично игрового стиля, примет сомнения, страхов, упрямого сопротивления внушениям здравого смысла... многим партнерам я казался лоховатым фраеришкой, ибо иногда нарочно попадал за все ранее выигранное... словом, я наловчился прикидывать что к чему в каждой из карточных игр... быстро, повторяю, анализировал многочисленные варианты игровой тактики... определял в партнерах либо очумелость после хорошей раздачи или от удачного прикупа, либо попытку не впасть в крайне удивленное отчаяние, всегда свойственное игровым неудачам: «Какое странное, господа, течение карт!» – это одно из моих любимых у Гоголя выражений... не ускользали от внимательного моего, но вроде бы ученического взгляда ни мелкие привычки каждого из игроков, постепенно становящиеся стилем, ни деланое равнодушие к раскладу карт на физиономиях как заведомых неудачников, так и необыкновенных, вроде меня, везунчиков... подмечал раздражительную чью-то скуку и нескрываемую ненависть к непостижимому своенравию случая... людям эдак вот настроенным начинала мстить сама игра за наглость их надежд, за бешеное желание выиграть, за хамоватую претензию на расположение именно к ним демонов игры. Лично я всегда считал течение любой игры абсолютно непредсказуемым, полным случайных непредвиденностей, и всегда был готов к разнообразным его финтам... к роковым проигрышам относился с огромным любопытством... оно выводило демонов из себя, оно их терзало, доводило до уныния и отчаянной растерянности – я вновь начинал выигрывать... иногда действительно умело нервничал, делая вид, что раз пулька проиграна и банк не сорван, то не грех сорвать зло на судьбе, на случае... при этом старался внушить демонам игры, точнее случаям, что проигрыш – результат их стратегически верных ходов, а вовсе не моих... в конечном счете, скажем, за месяц я огребал куш... на такие бабки вполне можно было беззаботно существовать, брать такси, водить телок в кабак, нормально прибрахляться, отдавать время любимым занятиям языками...

Я даже собрал свои тряпки с книгами и, к тайной радости предков, свалил из дому, потому что снял комнатку в тихой коммуналке, где жили две молча враждовавшие друг с другом интеллигентные старушонки... стойкая взаимная ненависть сообщала им необходимый для содержательной жизни тонус и энергию борьбы за мое – к каждой из них – расположение... я этим пользовался, и мы очень мирно соседствовали... каждой, по очереди, приносил цветочки, а каждая из старушек приглашала меня на чай с вареньями, оладушками или домашним овсяным печеньем... я ценил аристократический такт, помогавший им сделать недопустимыми различные сплетни и их хулу друг на друга.

7

Вскоре слух обо мне как об удачливом, но благородном игроке прошел по всей Москве великой; богатеям стало важно сразиться со мной, везунчиком, чтобы коснуться таинств поведения картишек; перед каждой игрой настраивал я себя так, как будто она это была тигрицей, а я дрессировщиком, не наоборот... словно бы по каблуку хлыстом постукивая, мысленно сообщал, что в грош не ставлю силу пресловутой ее непредсказуемости... более того, плюю на оборотливость случая, даже если останусь голым, попав, как говорит дядюшка Павлик, есть во весь... сколько влезет – скался, рычи... и хлыстом у нее перед носом – хлысть, хлысть, хлысть... не знаю уж почему именно, но иногда игра, как дворовая кошка, а не цирковая тигрица, покорно урчала, терлась мордой об ногу... тут уж я, не теряя времени, привычно брал верх над партнерами, недоумевавшими, как один из гоголевских игроков: «Какое странное, господа, течение карт!»

Однажды привел меня большой картежник, дородный артист СССР, как сам он себя называл и как именovala баушка знаменитостей кино и театра, в компашку крупных теневых дельцов, любителей «пульки», где бились «по-купечески»: не по несчастной копейке, не по гривеннику, а по рублю... в пылу азарта – и по трешнику... там можно было снять фантастическую массу бабок либо на своей игре, либо на вистах.

Дельцы-теневики ворочали миллионами и вообще не знали, на что их потратить, – им важны были не картишки, а игровые страсти... все их заботы крутились, как они говорили, вокруг хера босиком, то есть насчет реализации левого товара, дележек с ментами, прокурорами, руководителями азиатских республик, крупных городов и областей, а также с номенклатурными товарищами из министерств и разных управлений по сырью, сбыту, пошиву, продовольствию, железным дорогам, аэропортам, морским причалам... мне все эти их дела были совершенно до лампы... и, кстати-то, новые мои знакомые очень ценили чистосердечное мое равнодушие к их занятиям, правильно считая его не видом презрения или фигурой превосходства, а проявлением воспитанности и наличия в жизни собственных интересов... и вообще относились они ко мне, словно не щенком я был для них, а одногодком... их потрясло, что играю, как старый картежник, знакомый со всеми тонкостями весьма расчетливой игры... а мне, как обычно, везло, казалось бы, в самых рискованных, почти что гибельных ситуациях, когда я не то что бы надеялся на редчайшего вида игровой случай или на единственный из многих шанс – нет, я был совершенно в нем уверен, как дрессировщик, спокойно сующий башку в пасть тигрицы... никогда не зарывался, наоборот, порой натурально проигрывал, порой темнил ради того, чтоб партнеры не потеряли заводного желания отыграться, который и есть наживка, на которую клюют даже самые умные из рыб.

Там я и подружился с Михал Адамычем; тот стал приглашать меня к себе на дачу; жил он одиноко, имел пожилую, добрую, молчаливую домработницу-экономку; дом его казался мне волшебным музеем: картинки, рисунки, старинные инженерные штучки-дрючки, механический рояль, первые граммофоны, звукозаписывающий аппаратик, не побрезговал записать на котором свой всемирно-исторический голос сам Лев Николаевич; не со свойственной мне в картишках флегматичностью, а с удивившей хозяина страстью, я с ходу набросился на массу самых разноязычных книг; не мог не наброситься на них, но был это не азарт, а всегда присутствовавшее во мне любопытство к малоизученным языкам, к незнакомым писателям; мы часто и подолгу болтали то на английском, то на латыни об особенностях, собственных им, языкам, характеров, по-своему сообщавших человеческой мысли темперамент отношения к идиоматике, логике и поэтическим образам; спорили о фонетических и семантических превосходствах разных языков и, конечно, о ряде черт, ясно свидетельствовавших

не только об общности их происхождения в бездонной тьме тысячелетий, но и заставлявших задуматься о былой глубокородственности народов мира, генетиками недавно доказанной.

Наконец-то жизнь послала мне собеседника, с которым интересно было говорить о загадочной природе моего невероятного многоязычия, о стране нашей, на историю которой и абсурдные совковые порядки учился я смотреть по-иному; как говорят пигмеи, вырастал в своих глазах – взрослел.

По сути дела, Михал Адамыч сделался моим третьим, после Маруси и Коти, другом; он никогда не распространялся ни о своем прошлом, ни о нынешних занятиях; и не от него самого, а от одного своего знакомого узнал я, что со всех концов Союза на дачу к Михал Адамычу прилетают для деловых советов и консультаций чуть ли не хозяева промышленных комплексов, ворочающие огромными средствами и ресурсами, директора заводов, республиканские министры и даже секретари обкомов партии; поэтому, как я понял, старший мой друг имел немереное количество бабок и связи в самых верхах.

Когда мы дружились, действительно не замечая разницы наших возрастов, он, показало мне, превозмог какие-то свои нежелания и охотно разговаривался.

«Я, Володя, тоже числился в вундеркиндах и, сам того не понимая, лет с шести-семи мыслил, что называется, системно... не буду уж приводить примеры, как и в чем – естественно в пределах жизненного опыта, а иногда и за ними, – изумлял я вполне интеллигентных родичей и их знакомых способностью мгновенно проникать в сложные взаимосвязи простейших бытовых явлений, а вскоре и увязывать поверхностные следствия с глубокими причинами... словом, не по годам был я взросел... временами, как и вы, казался человеком, имеющим малоизвестные медицине качества памяти... ни с того ни с сего начинал вспоминать события вчерашних дней и перипетии явно не своей – но чьей же тогда? – прошлой жизни... это поражало и родичей, и высокоученых психологов, и их друга, известного поэта... он доверчиво считал мистику одним из путей, ведущих в полнейшей темноте если не к полному пониманию чего-либо непостижимого, то хотя бы к тому, что или подтверждает, или намекает на наличие в бескрайностях Бытия иной, отличной от нашей реальности... к примеру, лично мне никогда не требовалось и не требуется научных доказательств существования Высших Сил, по-нашенски, Бога и всех Его Серафимов, Херувимов и Архангелов с Ангелами, – просто необъяснимое наитие души велит это знать, иначе говоря, верить... вера для меня и есть доказательство бессмертия души, возможно, неоднократно пребывавшей или, скажем, в Целом Полноты Знания, или в телах когда-то живших людей... никогда поэтому не удивлялся тому очевидному факту, что учеными неизмеримо больше не доказано, а опытами экспериментаторов не подтверждено, чем доказано и подтверждено всеми науками, к сожалению, продолжающими разветвляться гораздо быстрее, чем углубляться... мыслишка кажется легкой и поверхностной, но в том-то и дело, что глубоким истинам любезно покоиться на глазах ученых мужей именно в непривлекательной одежонке, а не в вечерних платьях и не в смокингах... с удовольствием верю, что, грубо говоря, механизм памяти имеет неизвестную человеку материально-духовную, суперминиатюрную – поэтому ничем, кроме нашего наития, не обнаруживаемую – субстанцию... вообще, многие истины настолько невидимы, что кажутся или вовсе не существующими, или находящимися в недоступной для нас глубине... мы-то с вами, простые смертные, вообще ни черта не замечаем, а философы, гении наук и просто пытливые личности неустанно ищут ее у себя под носом... иногда с огромным трудом там и находят, иногда, представьте себе, является она им во сне, как Таблица нашему Менделееву... иногда я сам себе кажусь собакой, пытающейся понять, ну чего уж такого особенного вынюхивает человек в толщенных своих, залапанных руками книгах? – всего-то пахнут бумагой, краской, клеем, больше ничем хорошим и полезным... уверен, что Небеса добродушно потешаются над забавными попытками научного ума проникнуть в ряд непостижимостей... уверен, что

таинственная природа редчайших качеств памяти останется неизвестной, а если и будет познана, то очень и очень нескоро... так вот и журавли никогда не познают тайну природы зова, ежегодно влекущего их стаи покрывать тысячи километров ради возвращения на родину гнездовий... и все равно будут летать выше всех, дальше всех, ибо имеют во врожденной памяти безупречно работающие навигаторчики... в детстве, да и в юности я наивно полагал, что тайну памяти, следовательно прапамяти, прапрапра и так далее, нужно искать в мозге... не в сердце же, думаю, помещена она и не в печень... замечу, боль, терзающая сей важный орган, довольно странно отличается от боли сердечной, желудочной, суставной и, естественно, душевной... вполне бесчувственен лишь мозг, рецепторы нервных клеток которого не воспринимают боли, ему и без нее хватает многочисленных функций, сует и забот... не будем отвлекаться... сегодня я, как мистик от сохи, склонен считать, что личное *со-знание*, должно быть, черпает различную информацию из неиссякающей полноты, находящейся в одном из невидимых полей Бытия – в некоем *Всезнании*... *со-знание* – на то оно, Володя, и *со-знание*, свыше наделен которым Гомо сапиенс... поэтому его мозг, его разум можно считать всего лишь посредником между *Всезнанием* и *со-знанием*... фантазируя, всегда приходил к мысли, что копия информации обо всем, происшедшем не только на Земле, может быть размещена в одном из невидимых полей Бытия – в *Божественно Вездесущем Времени*... если же обойтись без фантазий, то Язык не может не быть хранителем информации и о прошлом, и о будущем... вот кручусь вокруг да около, но не на пустом же, согласитесь, месте возникло в людях одно из основополагающих человеческих наитий насчет неперменного где-то/в чем-то/в ком-то нахождения субстанции памяти обо всем, что было, есть и в свою очередь станет прошлым... именно прошлое ежемгновенно пополняется уносящимися из нас – из всего, что есть – частичками бытия, как сказал Пушкин... не случайно же таинственными наитиями чаще всего одарены пророки, святые, поэты и ясновидящие... ради символического выражения вечных истин существования и мироздания они способны в отличие от миллиардов людей проникать в первоглубины языка, в священные его, сообщенные свыше первосмыслы... это я вот к чему: каждое из слов любого языка настолько истерлось в тысячелетних хождениях по людским устам, что, к примеру, только истинному поэту, – опять-таки, *свыше* наделенному даром бессознательного проникновения в бездны семантики и прочих глубин неизнашиваемой в быту словесности, – удастся, скажем так, добыть крохотный осколочек от невообразимо огромной скалы Незнания... именно в них, в добытых кусочках, – первоначальные истоки и поэзии, и мифотворчества, и религий... не перестану изумляться тому, что все знания, накопленные человечеством, в сравнении с непостижимым Незнаемым, – всего лишь мизерная частичка... слава богу, сознание этого нас с вами радует, обнадеживает и веселит больше, чем великие открытия космологов, физиков, химиков и биологов... я отвлекся... словом, когда подросток, родичи пошучивали не над пытливой моей, перешедшей в интерес к теории вероятности, тягой к картишкам и к мистическому, а действительно над жившим во мне финансистом, на котором сидит экономист, способный справиться с министерством любой промышленности... золотая медаль позволила поступить на экономический МГУ... легко дошел до защиты диплома... однако работу тиснул не защитную, а – из-за идиотизма своего нрава – агрессивно-наступательную... я им доказывал вполне очевидную для многих, как казалось мне, нормально мыслящих людей истину: совковая Система заведомо обречена на катастрофический провал с октября семнадцатого, ибо с самого начала не имела – не могла иметь – естественного пути саморазвития... сама жизнь, своими обладающая законами, устами истории сказала догола проигравшемуся вождю: «Руки вверх!»... но вождь утопии, вместо того чтобы поднять их, прикрыл срамоту искровавленным ладонями, а НЭПом замкнул заколдованный круг колючей проволоки... затем несчастной стране, обреченной на неизбежный в будущем застой и на неслыханные – во имя заведомо невоплощаемой идеи – жертвы, пришлось встать

на сталинские плановые рельсы... а они уж, сами собой, повели в тупики погибельного саморазрушения общество рабов сверхидеи, иезуитски умело отгороженных от всего мира бронированным занавесом... на глазах мировой общественности, всегда охочей на киш-копускательство «гладиаторских» зрелищ, планомерно уничтожались многовековые ценности во всех областях человеческой жизни... естественно, на забугровых трибунах одни болели за первопроходцев увлекательной идеи, другие откровенно злорадствовали... миллионы «гладиаторов» колошматили друг друга так и эдак, а рябоватый тупой император рукоплескал им и их жертвам с мавзолейной надстройкой... следовательно, утверждал я в своей работе, чем быстрее начать радикальную перестройку непутевой Системы, тем скорей начнет она функционировать нормально... причем в действительной жизни, а не в шизоидном воображении фанатически настроенных властителей, идеологов и экономистов, пудрящих мозги рабочим, крестьянам, технической и научной интеллигенции... естественно, последнее предложение вынужденно похерил – сжег... Володя, вы представляете этого идиота, то есть меня?.. ведь все эти не такие уж сложные положения вполне обоснованно анализировались, обдумывались и сочинялись в те времена, когда по-стахановски работавшие органы гноили людей за ничтожный анекдотец... копии своей самооскопленной и полусожженной работы я послал в Совет министров и в ЦК КПСС... научный мой руководитель, не знавший об этих шагах, попытался было уговорить меня заделать отпуск по болезни, пообещав перенести защиту диплома на год... потом я проклинал себя, что отказался, Галилей херов, Джордано Бруно сраный... до защиты дело не дошло: перетрухнувший руководитель передал работу ректору, тот еще куда-то кому-то – и понеслась... меня взяли при выходе из пивного бара, где я, простите за невольный каламбур, с пеной на губах доказывал абсолютную экономическую и прочие виды несостоятельности первой в истории практической модели утопического, то есть фуфлового социализма... правда, уже на следствии я поумнел: отверг попытки пришить мне верховодство какой-то мифической антимарксистской группой, готовившей впервые в истории Лубянки «чисто интеллектуальное покушение на товарища Сталина»... били, гниды, измывались, морили светом и бессонницей, по сравнению с которыми тьма и смерть кажутся лесной школой имени Ленина для особо одаренных молодых людей... зато подписался под остальными предъявленными политическими обвинениями... червонец, пять по рогам, пять по рукам, пять по ногам... я еще жить не начал, крутил всего лишь пылкий платонический роман с однокурсницей... вы уж дослушайте, не задумывайтесь... верил в будущее царство разума и души, в способность научной мысли дойти до руководителей государства... во всепобеждающую верил аналитичность экономической науки, а не в кретинически нелепые высказывания клыкастого волководца всех времен и народов, являвшегося мандовождем мирового пролетариата, как звали его ээки... вы знаете, в лагерях было хреново: тоска, голод, холод, а труд наш был коллективным трудом помесей жалких Гераклов с обессиленными Сизифами, к тому же не за хер посаженных... но именно каторга была для меня школой свободной жизни, где любой тупица имел пятерки по свободе и истории родины, кроме совершенно спятивших фанатов передового лжеучения... отца с матерью пошарили со всех работ, первая любовь, казавшаяся вечной, тиснула в «Комсомолке» преподлейшую статейку о «ревизионистских попытках некоторых молодых экономистов-теоретиков пересмотреть основные положения базисного фундамента всепобеждающего социализма, железобетонно сцементировавшего весь мудрый опыт политэкономической мысли человечества во главе с Марксом-Энгельсом-Лениным-Сталиным»... вот так, Володя... на шконках сидел я с людьми, обломавшими зубы и рога о решетки планового хозяйства, – с бывшими зубрами различных производств... все они неумело преступали кретинические наши финансовые законы и порядки... на лесоповале и в бараке я читал им лекции по экономике, обрисовывал пути оптимальных наебок совершенно бездушной Системы ради выполнения плана и улучшения условий труда... таким вот образом

я и сам набирался ума-разума, не говоря о том, что вывел наше отделение ГУЛАГа в передовики производства, основанного на хитростях снабжения и сбыта да на отчаянной смелости начальничка, по моему совету повязавшего бабками покладистого кума... естественно, на начальничка стукнули, но, как это ни странно, не сняли, а повысили, потому что догматическая экономика приказного, взятого с потолка, планирования задач различных производств постоянно обрекала их черт знает на какие «левые» подсудные и давно до чертиков обрыдла новому поколению руководителей... освобождавшиеся слали мне посылки, прилетали ради деловых со мною консультаций, порой мы вовсю гуляли за зоной вместе с начальством... я остро чувствовал, что Система однажды окажется лицом к лицу с неизбежным банкротством и здравый смысл возьмет верх над фантазмами шизоидной лжи... жить я стал в лагере, как говорится, покусше, чем на воле, много читал, ходил без конвоя, подпиливал славную одну брошенку... тогда и дошло до души и, между прочим, до тела, что *это дело* без любви – вещь необходимая, но чудовищно скучная, главное, унижительная для мужика и для бабы... очень, помню, сожалел, что вовремя не трахнул свою «прекрасную даму»... вполне возможно, тогда она ждала бы меня, а не тискала в «Комсомолке» дичайшую чушь... ведь она была очень неглупой молодой леди, понимавшей абсурдность зачумленной системы... я начисто выкинул ее прочь из сердца и ума... освободившись, принимал за сто первым километром не одних солагерников... кто только не приезжал в конуру мою: директора крупных заводов, видные плановики, снабженцы, руководители финотделов министерств – даже секретари обкомов наведывались... иногда, Володя, многие из них серьезно меня уверяли, что я вполне мог бы быть премьер-министром любой страны, мечтающей выбраться из затянувшегося системного кризиса... а такого рода всесторонний кризис, как у нас в стране, – это рак мозга с метастазами во всех уголках общественного организма... извините, все рассказанное о моих консульташках и рекомендациях – строго между нами... это не бздюмология – это я на всякий случай, чтобы не пронюхали те лубянские остолопы, работа которых – в рисованье служебных галочек... на судьбу народа насрать им с верхней полки купейного вагона Москва – Сочи... кстати, я и сейчас черт знает кому только не помогаю советами, как крутиться с планами, бюджетами, различными фондами, финансовыми операциями и так далее... радуюсь, что кое-где и жизнь работяг улучшается, и верха благодушно урчат, вешая на лацканы моих знакомых звезды Героев Труда... массе людей в руководстве страны давно ясно: синильной психике членов политбюро уже не справиться с создавшимся положением... у всех у них негласный консенсус: спокойно подохнуть, обеспечить жизнь детей, внуков и правнуков – и провались пропадом все вместе взятые основоположники... однако понимающие это помалкивают, ждут – призрак банкротства махины, перед которой мандражит весь мир, продолжает сковывать уста дюжины выживших из ума старых пердунов и их шестерок... однако то научное, рискованное, а вовсе не бесстрашное, мое предвидение, Володя, вот-вот начнет сбываться... потираю руки, довольный, Система не просто дышит на ладан, – она на него дышит с семнадцатого, – ей пришел полный пиздец, а старые пердуны никак не могут поверить в это, как в чудо со знаком минус... мы еще не раз поболтаем обо всем таком».

8

Мы с Марусей незаметно повзрослели; она закончила школу с серебряной медалью, но поступила в медицинский, а не на геофак, где уже видел свою Мэри Диановну потомственный географ Диан Геогрыч; я все чаще и чаще стал чувствовать себя с ней провинившимся неизвестно в чем человеком, всегда испытывающим неловкость из-за некой невидимой «берлинской» стены, вымаханной однажды между нами то ли «бесовской силой», как называла баушка бесчинства человеческих страстей, то ли незабываемо странным Марусиным взглядом в школе; он иронично вопрошал о том, что до меня не доходило, точнее, никак не могло дойти; кроме всего прочего, она не могла не знать о моих похождениях с самыми разными телками; от этого мне становилось стыдно и неловко, хотя я не считал себя предателем нашей дружбы; из-за всего такого мы стали реже встречаться для серьезных, как раньше бывало, бесед и веселых разговорчиков – чаще перезванивались.

С предками же никогда у меня не было ни доверенных отношений, ни дружеской болтовни о том, сем, пятом и десятом.

Другое дело – Михал Адамыч; о чем только допоздна не болтали мы с ним, не шутили, каких только не затрагивали вопросов.

«Я, – говорил он, – предполагаю, что разветвление Праязыка и отчуждение его частей друг от друга, скорей всего, имело ту же внутреннюю психополитическую подоплеку, что дробление одного народа – на племена, великих религий – на секты и так далее... имею в виду мощнейшую на заре истории, – впрочем, сегодня тоже не потерявшую силу, но выглядящую менее эстетично и романтично, – воинственную страсть разделять и властвовать... ее вполне можно отнести к бессознательному подражанию становящегося людского разума самому Создателю, даровавшему всему, поначалу однообразному, живому неудержимое стремление к многообразию видов... не знаю, так оно или не так, но верю, что дело в чем-то таком... допустим, Володя, родились вы в таком-то племени, болтаете на родном языке, нисколько его не уча, и вдруг... вдруг гиперактивный чувак, в жопе у которого вождистские иголки из-за помешанности на революционизаторской идее реформизма, – собирает он всех вас на, так сказать, общее партсоборание и делает исторически, по его мнению, необходимую объяву:

«Братья и сестры, чему быть, тому не миновать... на повестку дня поставлены вопросы языкознания... поэтому сегодня же все мы целиком и полностью, в количестве тыщи полторы человекокрыл, отделяемся к ебени матери от остального племени теперь уже наших врагов и торжественно объявляем себя народом, имеющим право на отдельное пространство для установления новых порядков жизни... поэтому чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим... хватит с нас, понимаете, пещерной темноты с теснотой ну и прочего непролазного низколобья с продрысью и ужасным беспрогрессьем... тем более огонь сохраняем, не обжигаемся, как бывало, дров имеем до хера и даже больше, значит, пора жечь факелы, варить врага и жарить недруга, иногда и наоборот... никогда мы больше жрать не будем сырых, понимаете, кабанов, тетерок и медведей с мамонтами, чтоб корни зубов нас не мучали, из-за чего херово пережевываем сжираемое... само собой, ради укрепления отдельного величия доверенного мне народа немедленно начинаем коренную перестройку нашего великого, но пока что недостаточно могучего... а если кто вздумает однозначно брыкаться, будем, типа, вырывать язык из пасти и свежевать в связи с грубым нарушением новейшего общенародного табу... да здравствуют Волк со Свиньей – новые светоносно священные тотемы передового нашего народа!.. долой Крота и Сову, низкопоклонников тьмы безогненной и безответственного мрака пещер... хватит – пожили, понимаете, по протух-

шим понятиям... а уж если ты теперь не с нами, значит, всегда, сволочь, выступал против нас!.. слава хрусту кадыков вражеских глоток, вперед – во имя новой речи!»

Кроме шуточек, попробуйте представить, Володя, с какими трудностями переобучения неизбежно сталкивались несчастные людские сообщества, попавшие в цепкие лапы садистически страстных любителей власти... вы там живете себе выживаете... мужики охотятся, камни точат и вострят... бабы детишек растят, по вечерам сказки выдумывают, зачинают мифы, балакают... и вдруг взбредает в башку шустрик-властолюбца идея рождения отдельно взятого племени... он был умен и жесток, правильно решив, что первоначальное отделение от общего языка гораздо важнее территориального и политико-административного разделов... ибо новый язык существенней любых договоренностей обозначит новые границы, что позволит им расширяться и расширяться, пока хватит сил... не согласные с впитыванием такового положения с молоком матери – два шага назад!.. да здравствует единство вождя с народом!.. вперед – к дальнейшему превосходству согласных над несогласными в родном для нас языке!.. жить станет лучше, жизнь станет веселей!.. соплеменники, Володя, призваны были подвергнуть насильной перестройке все привычные основы родного языка... затем вождь организовал праздничное приготовление вареных и жареных блюд из наиболее высветившихся, глухо ворчавших соплеменников... это было очень вкусно хотя бы потому, что жрали не нас с вами, а кого-то другого... кроме того, подобные трапезы так всех запугивали, что переобучение пошло с ускорением... иногда происходили на лугах и полянах потешные словесные бои... обе стороны старались переорать друг друга, используя старые, по-новому произносимые, переименованные словечки... вчерашние соплеменники воспринимали их как ругань, оскорбления и глумления над святынями жизни... затем словесные бои переходили в кровавые побоища... идем дальше... вот вы, Володя, ненавидите и школу и диктат, с которым училки вбивают в голову знания, считаете которые не нужными вам лично... ну а каково было тогдашней молодежи и людям постарше перелицовывать под руководством вождя и его головорезов весь словарный запас языка, привыкать к новшествах в грамматике, корежить синтаксис, учиться иной, насильственно насаждаемой фонетике?... поверьте, вы не смогли бы не поддаться постоянному страху, страху чисто родовому, связанному, кроме всего прочего, с естественным сомнением в своей правоте – в правоте одной из частиц жалкого меньшинства над подавляющим большинством покорных соплеменников... к тому же сей страх подогревался ужасом предвосхищения всего, что могут с вами вытворить волки режима... вот вырывает проклятый вождь язык из пасти, потом бросают тебя в стойло, превращают в скота... если ты мужик – петушат, если баба – насильничают... кроме всего прочего, язык намного трудней и намного дольше дробить на звучащие по-иному и грамматически иначе выглядящие части, чем, скажем, нынешнюю монополию, которую легко разделить на мелкие, но жизнестойкие и выгодные бизнесы... внедрение в головы разноречи должно было длиться не пятилетками, а долгими веками... трепка нервишек, вечно нависавшее над вами насилие, жарка на кострах непокорных консерваторов, не желавших коверкать и улучшать привычную родную речь... возможно, вы спросите: ну а что Язык – как сам-то он реагировал на все эти нечистые дела?... Язык – не человек, скрывающийся в подполье... Языка свободная стихия всегда брезгливо презирала бездарные обывательские речения и партийно-вождистскую, поразительно мертвословную фразеологию... все такое грозило постепенным выхолащиванием из языкового дара Божественных таинств и непредвиденностей, главное, постепенным превращением Языка в крайне невыразительную знаковую систему... поэтому Язык всегда с откровенной любовью доверял свои сокровища совершенно свободным существам, названным в будущем поэтами, пророками, мистиками, юродивыми, скоморохами, шутами и так далее... вы, конечно, знакомы со схемами Фрейда, касающимися бессознательной памяти о кровосмесительных конфликтах, так сказать, внутрисемейного прошлого человечества... а вот читали ли вы когда-нибудь у какого-

нибудь из психоаналитиков о навеки запечатленных в глубинах людской памяти образах ужаса перед исковеркиванием старого, доброго, родного языка и насильственным внедрением новоязычья?... знаете ли что-нибудь о бесчинствах во времена долгих перестроек языка, предпринятых так называемыми пассионариями-лозунготворцами ради полного достижения своекорыстных политических целей?... ни вы, ни я не читали ничего подобного... это я к тому, что удивляюсь изощренному фанатизму психоаналитиков и универсальной схематике великого Фрейда... мне кажется, он заторчал на мифе о царе Эдипе, а также истолковывал – в угоду схеме и исключительно как сексуальные – символы сновидений о бильярдных киях, шарах, пушечных стволах, колоннах, набалдашниках палок, канатах, шляпах, меховых муфточках, птичьих гнездах, любых ямках и ямах... хотя разделяю его взгляды на репрессивную по отношению к сексу культуру... не знаю уж почему, и учитель, и его ученики позабыли о череде беспощадно жестоких реформистских лингвистических революций и перестроек... таковых просто не могло не быть в вековых процессах обособления племен друг от друга, породивших грандиозное Древо Языка, до корней которого нам не добраться, хотя люди живы его плодами многие тысячи лет... просто наука, особенно история, считает, что весьма некорректно описывать тысячелетия предыстории человечества, не имея *никаких* палеонтологических, археологических и письменных данных, словно никогда их и не было... тем не менее это было, было... в общем, не забывайте, Володя, о своих способностях, неспроста всплывших вдруг в мозгу, в сознании, в памяти... действительно, не ветром же их надуло и не откуда-то они взялись, подобно детишкам, найденным аистами на капустных грядках... скорей всего, способности ваши случайно выплыли из неведомых, но вполне определенных глубин далекой древности, как оказалось, вечно сохраняющихся в хромосомах многочисленных предков... поверьте, если б дали мне вторую жизнь – не задумываясь, совместил бы я свои дела с попыткой нейрологического изучения доисторических сокровенных глубин нашей памяти, огненно-вулканические всплески которой поражали и продолжают поражать людские умы... к сожалению, проникнуть в тайны невидимых ее напластований мы пока что бессильны... а вам сам Бог велит заняться этим делом... тем более человечество, самоубийственно пребывающее в вечном рабстве у самим же им придуманного техпрогресса, вынужденно шагнуло во времена компьютерной революции, многие последствия которой непредставимы... что же мы, спрашивается, видим сегодня?... впереди, как всегда, властители, политики, интеллектуальная элита, аристократы духа, просвещенные граждане, а позади них миллиарды первобытных, по сути дела, существ... и все они имеют право голоса, вооружены ядерными ракетами, лазерами, цветными ящиками, игровыми автоматами, мобильниками, компьютерами и прочими выдающимися достижениями человеческого разума... ну – будет, а лично для себя не вижу в будущем ничего хорошего».

Я был поражен всеми этими мыслями и считал их совершенно правильными; правда, осмелился заметить, что от кладовых памяти в микрочипах до возможности создавать высокоточные виртуальные модели эпохи зарождения языков и особенностей их развития – видимо, еще дальше, чем от былого безъязычия до начала говорения, потом письменности и так далее; хотя, говорю, время пауз между эпохальными открытиями неуклонно сокращается и сокращается, и лучше уж не думать о моменте, когда сократится оно до предела, потом перестанет сокращаться вообще... тогда, говорю, возможно, со вздохом высшего облегчения прозвучит действительно последнее слово науки и техники: пиздец!..

«Слава тебе господи, мы с вами не доживем до этого, – грустновато усмехнувшись, сказал Михал Адамыч, – зато доживут до него обе наши души, к сожалению, а может быть, к счастью, ничего не помнящие о своих жизнях в стародавних своих, то есть в наших, верней, в бесчисленных телах».

Я часто ночевал у Михал Адамыча; во вполне содомические наши времена многие заподозрили бы меня в педрильстве, а его – в любви к молоденьким чувакам, клюющим на приличные бабки; ни тени ничего такого никогда не мельтешило между нами.

Однажды, извинившись, я что-то у него спросил о семье, о детях, о бывшей жене.

«Связишки всегда имелись, был и бездетный брак, – неохотно ответил он, – да вот толку от всего такого было еще меньше, чем от суходрочки... поднадоело все это до чертиков... бойтесь, Володя, нелюбви, особенно нелюбви в браке – ведь это чудовищно для обоих... главное, больше, чем полного банкротства и прочих бед, бойтесь потери любви».

9

В игре, как я, кажется, уже говорил, светила мне необычайная везуха; правда, случались недопустимые запарки, глуповатые риски, совершенно дурацкие блефы; допускал ошибки при таких мгновенных пересчетах игровых вариантов, что время казалось отсутствовавшим вообще; но я был мастаком (не от «масти» ли?) по части психологического прощупывания в состоянии и игровые положения партнеров; умел интуитивно – то точно, то приблизительно – угадывать расклад картишек; умел и обосраться в расчетах; но в основном везуха перла такая, что я уж уверен был: вот так и будет она переть до конца моих дней; чем, думаю, не жизнь?.. можно учиться, заниматься своим делом, тачку купить, поглазеть на красоты одной шестой, пожить среди разноязычных людей... так мечталось мне – и вдруг...

Разумно допереть до причины однажды происшедшего было невозможно; оставалось гадать, происки ли это нечистой силы, верней, рока, или, как говорила баушка, своевременное вмешательство ангела-хранителя, недовольного глупым впадением порученного его заботам человека в гордыню совсем ненужной для души удачи.

«Вот смотри, Вовочка, – говорила она, – ангелы, которым видней что к чему, считают денежки полнейшим говном, поэтому и снятся нам вонючие кучи к получению именно их, денежек... но иные люди-то глупы, подлы, ничтожны и недалёковидны... хоть четвертуй – не желают, идиоты, понимать знак, предостерегающий от алчной суеты, причем ради самой алчности, а не различных надобностей... наоборот, эти всегда будут рассматривать такой знак как примету, поощряющую обогащение... денежки, ничего не скажешь, хорошо иметь, ведь без денег жисть плохая, не годится никуда... но из-за вечной, взгляни, беготни за ними – только изуродуешь судьбу жизни до неузнаваемости прежних надежд, потом черт знает чего во имя наживы не наворочаешь, кого не оставишь несчастным, если не вовсе загубишь... так что учти: умный человек должен знать меру и уметь довольствоваться малым... я ведь тоже душой была одно время, а когда поумнела, дед твой, он тоже был дурак, поймал однажды золотую рыбку, так что подумай, говорит, Оля, и загадай хотя б одно желание... я, не думая, и загадала: дай Господь, чтоб не было еще хуже, чем оно есть... а хуже-то и не стало, наоборот, Гуталин подох да у деда твоего была добрая душа, несмотря на простоту недалекого ума... старость – видишь, что с телом делает, а с душой ничего ей не поделаться... я уж не знаю, бессмертна она или временно дана на прокат, но какой была она у меня молодой, такой и осталась на девятом десятке, – вот что в жизни всего удивительней».

Ни во что из сказанного баушкой я тогда не въехал, пока не попал за все бабки, имелось уже которых у меня немало да вдруг не стало ни копейки; хорошо еще, что нашел в себе сил рыцарски смириться перед «довольно странным течением карт», взявших верх надо мною, в пыль повергших все мое самодовольство, мастерство, везуху.

Одалживать на отыгрыш у Михал Адамыча не стал, хотя он предлагал столько, сколько нужно; поблагодарил его, затем со страшной силой надрался в бане водярой и пивом с бывшими партнерами, бок обжег в парилке и отвезен был тем же Михал Адамычем очухиваться у него на даче.

Иногда, особенно в моменты необыкновенно чистого и крайне грустного осознания полнейшей пустоты, в которой оказываешься волею судьбы, если не рока, начинаешь чувствовать такую непомерную тяжесть свободы, что не знаешь, как быть; но мне почему-то стало ясно, что бедовое происшествие с проигрышем было знаком необходимости завязать с игрой, что нужно взять и плюнуть ей, игре, как блядовито лживой бабе, в предательскую рожу и начисто от нее освободиться, как освободился я однажды от сволочного курева, еще в школе доведшего до выхаркивания протабаченных бронхов.

Да и Михал Адамыч поддержал меня в решении завязать с картишками:

«Во-первых, Володя, игра, как брошенная капризная бабенка, сама еще приползет к вам на коленках; во-вторых, ваше намерение пофарцевать в момент, когда все флаги вот-вот, помяните мое слово, бросятся в гости к нам, – дело вполне обещающее... только не будьте лохом... чего-чего, а языков имеете столько, что за бугром растерзали бы вас на части лучшие в мире турагентства... так что – валяйте, главное, не лезьте на рога... между прочим, меня официально призвали подготовить подходы к новому для верхов да и для всех нас дела – дела сверхважного, можно сказать, всемирно-исторического... они даже отыскали в лубянском архиве ту самую мою дипломную работу, за которую подсел... будут ее печатать – такими вот повеяло переменами в родном нашем тупике, где ржавеет и вот-вот на части рассыпется паровоз, имевший честь доволочь вечно живой труп из Горок в Москву, далее Мавзолей, гипс, железобетон, бронза, мрамор».

10

Вскоре действительно грянули странные времена; совету Михал Адамыча я внял; кем-кем, а лохом никогда не был и не желал двинуться по стопам своих одноклассников... с год назад эти двое до того оборзели, что чуть ли не в открытую кадрили старушек туризма, трахали их с предоплатой в отеле, тырили часики и дорогие побрякушки, потом выгодно сливали фунты, баксы, марки за рубли, швыряли которые по сторонам на кабаки и актрисок... Дом кино, архитектора, композитора, ЦДЛ, ЦДРИ... тут их обоих – за жопу и в конверт, затем конфисковали валютные заначки и пару лично им принадлежавших мотоциклов «Ява»... сначала заставили покаяться на суде и обличить стареньких туристов, жалких жертв спецслужб, в антисоветской агитации и пропаганде сексуальной революции... потом уж лагерь, химия, взятие подписки о всяческих видах стукачества... зато уж в начале перестройки отыгрались эти двое на прежних своих шефах из всесильных карательных органов... оба они такими заделались вдруг пылкими демократами, что охрипли на митингах... ухитрились попасть на передний план фотки журналиста, запечатлевавшего счастливый для массы людей момент одевания канатной петли на чугунную выю лубянского иезуита и одного из главных палачей... носились по презентациям книг поэтов и писателей – мучеников режима, где халявое шло гулево со жрачкой и пьянью... самое удивительное было для меня в том, что сделались они яростными хулителями шестидесятников, виновных, на взгляд этих подонков, в том, что диссиденты с единомышленниками не устроили революционной перестройки еще при Никите и не взорвали выставку в Манеже вместе со всеми членами политбюро... это я к тому, что сволочь, вроде моих одноклассек, всегда есть сволочь.

«Такие люди, – сказал Михал Адамыч, – явно выступают под хитрожопую диктовку озлобленных бывших коммуняк, ныне владельцев фабрик, заводов, пароходов, особенно газет... так вот, они, выигравшие при разделе собственности несметные бабки, злорадно лыбятся, наслаждаясь неожиданным отыгрышем, когда любая шваль порочит их бывших непримиримых врагов – шестидесятников».

Но это – ладно, сам я против идеальных принципов демократии ничего никогда не имел и не имею... не возражаю против чьего-то там, как у тех двоих, способа питания, поддачи и приборакхленья... все пусть живут как знают... хотят – пусть уподобляются гордо реющим буревестникам, которые за пароходами летают и говно глотают... лишь бы не грабили, не мочили из-за квартир, не вымогали, не торговали человеческими органами и не устраивали пирамид...

Тут я, конечно, немного забежал вперед и набалаболил лишнего, но того, что написано пером, не вырубишь топором... кстати, спешить мне некуда и незачем... тем более пишу записки, вспоминая и переосмысливая бывшее а не пеку ужастики и порнуху, как стаи новых мошек, комаров и слепней, присосавшихся ко всегда беззащитной словесности.

11

Чтоб не подзалететь, сочинил я для себя методы крайне осторожной фарцовки; в этом деле надо было стать совершенно одиноким волком – никакой шмоточной показухи, никаких местных барыг, никакого, как у подсевшего мудака Черчилля, подпольного салона женских и мужских мод; начисто исключил треп даже с самыми близкими кирюхами; решил ни в коем случае не обзаводиться подельниками, верней, потенциальными свидетелями обвинения; чего-чего, а такого рода дел насмотрелся я в завезенных из-за бугра боевичках Голливуда.

Только так можно было приделывать заячьи уши дядькам с Лубянки и Петровки, державшим на мушках фото-и кинокамер подъезды всех центровых отелей, напихавших «жучков» в столы и сортиры центровых кабаков; кроме того, менты и гэбэшники имели свору сексов среди фарцовщиков, либо добровольно, с большой для себя выгодой, стучавших, либо попавших на лубянские наживки и вынужденных сексотить.

Так, мол, и так, говорили им в конторе, желаешь делать бабки – ю ар велком, к нашим целкам и тарелкам, то есть делай, фарцуй, сводничай, но сотрудничай, козел, с советской властью, тебя вырастившей, помогай изобличать забугровых акул, китов и прочих бельдюг... не хочешь – уплывай в зону, где так с башки твоей сшибут гребешок, а потом отпетушат, кишку прямую наизнанку вывернув, что сквозь слезы прокукарекаешь всю свою остальную лоховатую жизнь, тупое ты животное, пидар потенциально гнойный...

Словом, незадолго до перестройки, въехав, что честно в этой нашей отдельной, за жопу взятой стране не заработаешь на сносную житуху, сколько б ты ни упирался, – поначалу я только присматривался к быстро обогащавшимся асам фарцовки... наблюдал за их неосторожными действиями для того, чтобы знать, кроме всего прочего, как не светиться в «Березках» и никогда не связываться с шикарными блядами, стучавшими различным ментовским крышам на клиентов и друг на дружку.

А если, сообразил, раскрутившись, занять для дела тачку, то тогда уж подержанную, чтоб крепко она бегала, но выглядела таким жалким обормотом и затруханной дребезжаловкой, от вонючего тарактения которой даже в зверски жадных на бабки гаишниках просыпалась бы искренняя душевная жалость к человеку, рулившему зловонной этой тачанкой; словом, знал я, что надо быть одиноким волком, а не гулять по буфету и не выть на луну прямо с Лобного места.

Времени для учебных наблюдений не жалел; выработал схемы нескольких незаметных подходов к «пиджакам» – к иностранам; само собой, наловчился определять среди них людей состоятельных и жуковатых, приканавших к нам вроде бы туристами, а на самом деле вынюхивавших, где бы выменять валюту не по смехотворно туфтовому совковому курсу, а угадать покруче.

Лучшие из скупщиков были тут как тут; они ловко охмуряли бедных владельцев уцелевших фамильных сокровищ, выискивали у несмышленных барыг ценнейшие доски, антиквариат, приобретали дешевле картины и изделия у полуголодных наших художников и гобеленщиц, не охваченных галерейной коммерцией и, естественно, нуждавшихся в бабках; скупщикам это приносило потрясный навар.

Самые ушлые из них вмазывались в доверие к отъезжантам, а те счастливы были платить и им и таможенным крысам за сохранение драгоценных заначек в мебели, в багажном тряпье и при себе; отъезжантам иногда это удавалось: выгодный бизнес был выше личной и служебной чести аэропортовских и прочих служак; а иногда подлейшие из скупщиков-посредников просто продавали служакам отъезжавших лохов; и несчастные лохи, естественно, не имея возможности качнуть права, умоляя о сохранении визы, еще и доплачивали таможенникам за «тишину» и оставление при себе ничтожной части отныканного

при шмоне; от всего такого пованивало не джунглями, а помойками, кишевшими продажной поганью тех времен и опустившейся шушерой.

Лично я не желал глотничать; искал туристов и туристочек уже слегка натасканных, желавших иметь дело не с уличной шпаной, а с нормальными дельцами, которые не приделают заячьи уши, кстати-то весьма схожие с кроличьими ушами – с эмблемой журнальчика «Плейбой», но дело не в этом; поначалу туристы охали в Третьяковке; обливаясь слюнками, глазели на недорасхищенные алмазные сокровища Кремля и на сам Кремль, давно уже ожидавший исторического краха бездарной Системы с достоинством и терпением аристократа архитектуры.

Поохав, туристы ахали, любуясь сукровичным мрамором Мавзолея и вяленным фараоном в полувоенном мундире; словом, набирались иностранцы сеансов и окосевали от запашков жареного, пока еще отдававшегося им за копейки; за свои баксы, фунты и марки все они имели: меховые спецотделы ГУМа-ЦУМа, экскурсии по Москве, Мавзолей, дачу, где врезал дуба Сталин, Большой театр, Цирк, Золотое кольцо, выезд в Питер, иногда в Крым.

Некоторые «турики» прилюдно вдарились в содомическую половуху – хватало для этого в Москве всякой пьяни, рвани, ширяльщиков и просто больших любителей суровой дружбы мужской, чтоб все было у них и в Москве, как в Древней Греции или в Сан-Франциско; знакомые дворовые урки даже предложили мне заделаться при пидарах эдаким котом, «солидно трекающим на разных фенях», справедливым и заботливым; но мне это было запаadlo; не желал я вступать в отношения урок с ментами, крышевавших и приотельных гомсов, и валютных блядей, и крутых фарцовщиков; ведь менты только и рыскали всяческого повсюду навару и, подобно львам, рыкающим на гиен, старались отгонять урок, разгулявшихся по буфетам отечества, от всех весьма доходных дел.

Для начальной раскрутки мне требовались бабки; взять их можно было у Михал Адамыча, или у блатного моего дядюшки, или у тех же знакомых урок, которым мы, пацаны, когда-то шестерили, бегали за пивом, водярой и жвачкой; но старшего моего друга неловко было беспокоить; родной дядюшка мог встрять в мои дела, а другие урки назначили бы зверский процент да еще включили бы счетчик.

Надо сказать, урки, по-крупному резавшиеся с теневиками в «очко», «буру» и в «коротенькую» (для преферанса слабовато у них было с головками), любили меня за веселый нрав и похабные анекдотики, особенно за доставание новых «знаковых» книг в «Лавке писателя» на Кузнецком.

Доставал я их с помощью кирюхи Коти, обожаемого сынули видного одного дубоватого, но знаменитого литературного генерала, позже опишу которого; литгенерал, довольный, что Котя почитывает книжки, а не наркоманит и не водит домой блядей, звякал директору книжной лавки; мы с Котей заявлялись туда и каждый раз вывозили на чиновничьей тачке несколько ящиков всяких изданий; чего там только не было: полные собрания сочинений, дорогие художественные альбомы, прозаики-деревенщики, красочные детские раскладушки, Аксеновы-Евтушенки-Вознесенки-Рождественки, переводные шедевры мировой литературы, старые поэты Китая и Японии, дефицитные детективчики Сименона с Агатой, ходовой товар Пикуля, Юлиана Семенова, отличные молодые прозаики, не говоря о совсем уж непотребной отечественной вшивоте, типа Кочетов, Кожевников, Аркадий Васильев; затем мы все это бодали некоторым быдловым теневикам и быковатым уркам, а скромный навар делили поровну.

В иные свои дела я Котю никогда не посвящал, но не из-за боязни, что заложит или растрепется – Котя был не таков, – а просто потому, что чем меньше знакомых загружено информашкой о моих делишках, тем спокойней и мне, и им.

Пуцай, благодарили нас тогдашние толстосумы, торчат себе ваши книги на полках, блистая золочеными корешками, так как книги – это козырная масть: их никогда не конфис-

куют... закон в нашей стране есть, блядь, закон, типа маму его и папу видали мы на халабале, но шерстить закон не положено никаким ебаным трибуналам... ни один прокурор не может ни бзднуть против него, ни пернуть... он строго запрещает описывать телики-видики, книги, газеты с журналами, то есть все чтиво, всю культуру, что хаваем, кроме антисоветчины и порнухи, — вот что такое конкретная сила закона...

12

Короче, думал я, раз ты волк, то ни у кого не клянчи в долг; не жадничай – иначе обеими задними лапами угодишь в капкан; оба эти положения стали законом моей жизни.

Пять штук рублей тайком я самовольно взял в долг у предков; легко открыл двумя отмычками крепкий импортный висяк на кованом трофейном сундучке, доставшемся от деда; в нем предки мои, всегда сомневаясь в финансовом благородстве власти беспредельщиков и безответственных вымогателей, притырили штук десять накопленной «капусты» для будущей покупки садового участка со скромным домишком.

Затем я как следует изучил излюбленные туристами места; ездил на такси за ихними обалденно красивыми громадными автобусами; а зачастую, когда подзаделал – снова забегу вперед – первые приличные бабки, тем же рейсом улетал следом за иностранцами в Киев, в Сочи, в Крым.

Вот так я и начал несуетливо раскручиваться; заводил разноязычные знакомства, сначала очаровывал забугровых «пиджаков» лингвистическими способностями, потом уж предлагал выгодный для них обмен валюты на наши «деревянные», искусственно вздутые партия и правительством.

К примеру, пасу напротив «Националя» стайку иностранцев; к сожалению, отметаю из-за незнания языка быстро богатеющих, явно упакованных японцев, но клянусь себе – вскоре им заняться, правда, начав с китайского.

Нужных людей узнавал я не только по языку, но и по деловым, нетерпеливо что-то выискивающим взглядам; ясно было, что остро нуждаются туристы в черном курсе – в валютчиках и фарцовщиках, охотившихся за дефицитным тряпьем, горы которого выменивали все они на шкурки левых бобров, выдр и даже редких соболей; само собой, жаждали залетные дамы и господа старинных досок и картинок наших подпольных авангардистов, входивших там у них в моду; потоптавшись у утеля, середняковые и крутые «пиджаки» собирались в группы, в стайки, затем следовали на Красную площадь.

Приходят, встают в очередь; сразу было видно, что забугровые ротозеи не слушают ораторствующую дамочку из «Интуриста», а сукровично мраморный Мавзолей с незахороненным жмуриком – им всем до лампочки того же Ильича; вот та дамочка оставляет свою стайку, назначив старшего и час встречи у входа в ГУМ; сама упархивает в центровую торговую епархию нашей сверхдержавы доставать какой-нибудь дефицит, выброшенный на прилавки в преддверии Дня, скажем, воздушного десантника; там, летая от прилавка к прилавку и наверняка проклиная строительство светлого будущего, дамочка думает, что в гробу она видала отца этого самого дефицита да и всего остального туберкулеза совковой житухи совместно с учреждениями, чьи названия всегда звучат как раковые опухоли, типа райкомы, горкомы, обкомы и крайкомы.

Никаких хвостов за туристами не замечаю, поскольку они тут были бы на виду планеты всей, не говоря уж о том, что хвост на Красной площади, кроме самой очереди – самой благонаправной на весь СССР – в Мавзолей, видимо, считался боссами Лубянки грязнейшим из остальных видов служебного цинизма, ну совершенно уж недопустимого в таком священном для совков месте; на всякий случай осторожничаю; выбрав момент, сую в руку одной туристки, вполне клевой тетке (годилося в ней все: брюнетка, грудь, бедро, попа), – сую записку и значительнейше жму ее руку выше локтя; как всегда, возбуждаюсь только от одного прикосновения к женщине, но делаю вид, что глаз не отрываю от навощенного и забальзамированного жмурика в мундире с накладными кармашками; в записке напечатан на машинке литгенерала подробный адрес плюс небольшой, от руки и печатными буквами, текст на английском:

«Жду вас сегодня на русский обед с 18 до 20, поверьте, это не флирт и не ловушка, вам будет интересно, идите от вашей гостиницы налево, в горку, пожалуйста, расслабьтесь и ничего не бойтесь. Игорь».

Сочтет, думаю, за провокацию и продаст – откалякаюсь перед ментами, скажу, что дело прошлое, изменил родное имя... само собой, хотел трахнуть натуральную иностранную чувиху... показалось, что она очумела в сосиску от жажды оттянуться с русским живцом, так как меня и самого издергала природа, теребитская ее сила... простите, командиры, честное пионерское, больше не буду подло изменять зачуханным святыням родного секса...

Все – послание передано, задерживаюсь перед жмуриком №1... туристы вежливо меня обходят... все они – ясно от какого запашка – дышат исключительно одним ртом... воротят носы от командировочных мудил из Нижнего Тагила и Курской аномалии, начисто очумевших от попадания непосредственно в главное погребалово сверхдержавного государства рабочих и крестьян... кроме того, все леди и джентльмены шарахаются от наших иногородних теток и дядьков, точней, от серых ихних телогреек и черных плюшевых курток, годами вбиравших в себя душок тел, потевших в многообразных давках отечества и даже в Мавзолее.

Дело в том, что командировочные и бедные люди, выбравшиеся в столицу за колбасой, сливочным маслом, связками баранок и гирляндами крайне дефицитной туалетной бумаги, почему-то считали своим неизменным, то ли гражданским, то ли человеческим долгом, пройти мимо захороненного покойника, удобненько лежавшего в гробовом хрустале.

Своими ушами слышал от деда, что за пуленепробиваемость этого засекреченного броневоего спецстекла большие умы огребли закрытую Сталинскую премию первой степени, ибо враги могли взорвать чучело моего полного тезки, по прямой вине которого ни хера нет в глубинке ни продуктов питания, ни необходимого ширпотреба, а Москва буквально оккупирована лимитой и черножопыми всех мастей... вот народ и потеет, разумеется, дурно пахнет, сравнивая, понимаете, нашинские гастрономы с пустыми полками проклятой, главное, нищей провинции.

13

Однажды я ждал прихода туристки, первой моей клиентки; вспомнил, как один иностранец сказал в мавзолейной очереди, кстати-то, двигавшейся побыстрее, чем в гастрономе или в магазинах стран народных демократий.

«От нас, – говорит, – никогда так не будет вонять, как от этих рабов и рабынь, потому что наш социализм будет конституционным социализмом хорошо воспитанных, отлично дезодорированных леди и джентльменов».

Ну любой натуральный идиот – он и в Москве трижды идиот, пока его не тыкнуть сопаткой в тупик, в котором оказалась огромная моя страна, заплатившая за навязанный ублюдками утопии горестный свой опыт миллионами жизней и несчислимыми страданиями людей, уцелевших в мясорубках эпохи «борьбы и побед»; ничего не поделаешь, пепел Класа до конца дней не перестанет стучать в моем сердце.

Я жил, действовал, крутился, у меня были бабки, была и хата, я ждал; ведь сам писатель, мой крестник Котя и его мама, Галина Павловна, – невыносимо с которой лет пять уже тянуло закрутить роман, – отбыли на месяц в Пицунду, в Дом творчества; еще перед самым отъездом литгенерал вышиб на улицу домработницу Дашу вместе с ее иногородним паспортом.

«Маман делала вид, что ничего не знает, – рассказал Котя, – а наш потаскун трахал домрабу, баба ведь бежала из нищей деревни, куда ей деваться... и вдруг впадает папаша в бешенство».

«Ты что, профурсетка, сделала? – орет Даше в лицо... – Меня, одного, понимаете, из важнейших помощников нашей партии, ты, мразь внелимитная и распущенная, вывела как бы из строя подлым заражением венерой новейшего поколения... да я позвоню Щелкову и велю тебя выслать, прошмандовку, за пределы родины вместе с жидами... да, да, тебя, и фамилия твоя, Сукоедина, имя Никто, ты, манда иногородняя, диссидентски мне отрекомендована купленными ментами и еврейской национальностью отвратительных отщепенцев отрицаловки отечества».

«Вот, Олух, – говорит Котя, – что значит писатель – какую ухитрился замастырить аллитерацию из пяти „т“... такое не удавалось ни одному из классиков, включая Набокова... очень хорошо, что маман давно отлучила от себя нашего гнусного моллюска... короче, он велел срочно найти какого-нибудь разьебая-старшекласника, но лучше бы тебя... надо, говорит, ему пожить тут у нас с проклятым псом на всем готовом, иначе сгорят к той же ебени, понимаете, матери путевки, а тогда – тогда шло бы оно все в Пицунду... так и скажу в ЦК, все знают – у меня слово не заржавеет – это сталь и титан в одном лице».

Галина Павловна и пес жили отдельно, на даче; почему бы, думаю, не разгуляться ей там одной, если муж – потаскун, а сама она – высший класс, неописуемо красива, убийственно женственна, сердце об ребра колотится, кругом башка идет, когда ее увидишь.

Котя сказал обо мне писателю; я был приглашен в дом... рабочий кабинет будущей квартиры-музея, как всегда, выглядел мемориально... на стенах – Звезда Героя Соцтруда, ордена, медали, золотые значки дважды лауреата, групповые фотки с членами политбюро и большими друзьями СССР, типа Анжела Дэвис, архиепископ Кентерберийский в мантии, Бертран Рассел, Джавахарлал Неру, Фидель Кастро, мясомордый людоед и вождь Уганды... в окружении всего этого барахла литгенерал умело стряпал для партии, правительства и народа очередной соцреалистический, как говорили в ЦДЛ, суп-рататуй, в горле ложка, в жопе хуй...

Я удачно прошел дурацкое собеседование и был сочтен великовозрастным разьебаем, способным поощиваться в громадной квартире; затем пришлось мне выслушать лекцию болтливого, насквозь проспиртованного столпа соцреализма.

«Охраняй, Олух, дом от наездов, понимаете, лимитного жулья... сам питайся из холодильника-морозильника – временно он твой, затем корми-выгуливай пса... животное избаловано не мною... дело прошлое, к сожалению, оно не бито, поэтому не воспитанно, подобно твоему дружку, так сказать, возомнившему себя Фетом с большим приветом... кобелек наш является, как известно, иномаркой с блондинистой башкой и битловскими патлами заместо нормальных громкоговорителей, виноват, звукоуловителей... впрочем, ты с ним знаком... почти что бывшая моя половина, это между нами, не пожелала назвать щенка Муму... плевать ей было и на Тургенева, и на Герасима, а также на меня... я, будучи реалистом, всего лишь осмелился предложить официально первичное имя Опсс, два „эс“, он же *охотничья подоружейная собака спаниель*... ну мы немного подискутировали, то есть я получил гранитной пепельницей промеж глаз, разговор состоялся, на чем и сошлись, имею в виду Опса... пришлось уступить одно в нем „эс“, но я к цензуре привык... и вообще, говорю, забирай к ебени матери всю остальную собаку – выгуливай ее, корми, хер с ней, убирай, купай, лови блох, причесывай, ногти стриги, капли в уши закапывай, отрезай яйца, усыпляй, хорони, если вздумается, – мне это теперь до аппендицита... я работаю, народ, понимаете, ждет из-под моего пера курсива правды жизни, а не простого, как хер собачий, реализма с натурализацией того пролетарского места рабочего класса, которым он не думает и не работает».

Такая была мне прочитана напоследок нудноватая лекция, после чего вся семья отбыла в Дом творчества; и, конечно, я там у них в баре баловался шикарными запасами спиртного, протирал полы, следя за чистотой огромной квартиры; между прочим, успел с непосредственной помощью Опса закадрить возле Пушкина двух премилых наивных телок.

Тогда же я просек, что неотразимо обаятельный, крайне любвеобильный Опс – залог успешного кадрежа, временно решавшего все мои экзистушно-сексуальные проблемы; вероятно, он пробуждал в чувствительных, но крайне стеснительных и скрытных натурах одиноких девушек и дамочек бессознательное желание причаститься к образу красоты, запечатленному не только в лицах и фигурах очередных киноидолов и киноидолиц, но и в четырехлапом ушастом красавце.

«А почему бы, – говорил я, – нам не выпить по чашечке кофе?.. вы очень нравитесь Опсу, тем более мы с ним проживаем в двух шагах отсюда».

Милая особа или отшивала, или запросто соглашалась быть гостьей; вот и все: рюмочки, закусочка, чаек; гостья всячески обласкивала и взъерошивала Опса, пока я тонко, звонко и прозрачно не намекал, что не мешало бы эдак вот взъерошить и меня, Олуха лопухого, я ведь тоже все-таки истосковался по взаимной нежности в области промежности; остальное было уже не делом сексуальной техники, а проявлением всесильного могущества, как говорят в народе, ебитской силы.

14

Итак, жду на балконе американку, первую свою клиентку, и держу волнение под контролем... замечаю ее без пяти три... фланирует не спеша, все-таки улица Горького – это наша Мейн-стрит, а не какая-то провинциальная плешка... вот, наблюдаю, доканدهала до перекрестка, кажется, никто за ней не увязался... слегка там осмотрелась, щелкнула пару раз Пушкина, возвратилась обратно, глянула на номер дома, вошла под арку, умница...

Кстати, иностранов в те дни столько развелось в Москве, что никаких хвостов не хватило бы для виляний за ними, явно кинувшимися в трюмы тонущего нашего парохода, летевшего по волнам – нынче здесь, завтра там; иностранам, да и лубянским аналитикам тоже, раньше, чем рядовым совкам, стало ясно, что пароход, мчавший на всех парах и узлах к сияющим вершинам, напоролся днищем базисным на историческую мель; напоролся исключительно из-за фанатичной тупости дебильных кремлевских лоцманов-первопроходцев... они же никогда не имели никаких знаний о мелководности каменистого и опасного дна Утопии, кроме туповатых догм и умозрительных рекомендаций основоположников насчет тотального террора против врагов народа; впрочем, лубянские аналитики знали лучше забуровых тугодумов о надвигающемся урагане и неминуемом крушении, поэтому первыми стали линять с обреченной посуды; им уже было не до забот о туристах – абы спасти, вывезти или перевести за бугор многомиллиардные суммы.

Проклятая тяга к отвлеченьям мешает «Запискам», но на то они и записки, чтоб не быть сочинением иного жанра...

Вдруг – звонок... ОПС с дикой яростью, как на живого врага, бросается на клеенку двери, достаточно уже изорванную его когтями... выждав с полминуты, открываю... ОПС и дама с первого же взгляда начинают обжимать друг друга и со страстными стонами лизаться от счастья встречи – о, боже мой, о, боже! – и от умилительно взаимной любви с первого взгляда.

«Меня зовут Жозефина, если коротко, Джо».

«Очень приятно, Джо... я, извините за необходимую тут у нас конспирацию, не Игорь, а всего лишь Владимир... не удивляйтесь, ваш язык зубрю с детского садика, затем, само собой, английская школа... на нашем стараюсь читать как можно меньше – очень уж тошнит от тутошней хренотени соцреализма».

«О-о! Чей это портрет? Кажется, Глазунов?»

«Совершенно верно, у вас глаз – алмаз, это портрет нашего очень видного писателя... рядом тоже Глазунов, верней, портрет супруги писателя, оба они родители моего лучшего друга... я сторожу их квартиру, являясь камердинером и слугой данного пса».

«Что такое хренотень?»

«Что-то вроде туалетной бумаги, использованной не по назначению».

«Ха-ха-ха, хрено-тень соцреализма – мне нравится бесстрашный русский юмор... транскрибируйте, будьте добры, вот мой „Монблан“ и специальный блокнотик для ваших идиом и необыкновенно замысловатого сленга... если можно, впишите что-нибудь новенькое».

Я транскрибировал и вписал на русском очередной шедевр народной речи: «ни капли в рот, ни сантиметра в жопу»; выражение совершенно восхитило Джо, заверившей, что оно непременно зазвучит в фильме знакомого голливудского режиссера об алкоголике-пидарасе, взявшем себя в руки и мужественно ставшем гетеросексуальным миллионером.

С этой минуты ОПС, как ревнивый рыцарь, видел врага и соперника исключительно во мне; он ворчал и глухо порывкивал, словно бы предупреждая, что сегодня не так-то уж будет просто от него отделаться.

Я ни с того ни с сего на секунду закомплексовал; выходит, я, неблагодарная свинья и подонок, хаваю тут чужую номенклатурную бациллу, истощаю бар, к тому же зазываю забугровую телку для незаконной валютной сделки, возможной фарцовки и, кто знает, пары палок... а если вдруг наедут менты или, что еще хуже, гэбэшники?... писатель моментально сделается невыездным, его понизят в звании, пошарят из списков будущих лауреатов, вышибут к чертям из спецраспределителя, вам, скажут, пиздец, забейте крест на домах творчества... что станет с Котей, с Галиной Павловной?... мгновенно же решаю, что в этом случае буду о них заботиться, как-нибудь не пропадем, писателя посадим сочинять сценарии подпольной мультипорнухи для японцев... это принесло потрясный барыш одному моему шустрому знакомому...

«Этот Глазунов продается?»

«Если вы о портрете, то он мне не принадлежит... у меня есть для вас кое-что поинтересней плакатной хренотени».

Стол у меня уже накрыт, по-быстрому зажигаю газ под кастрюлькой с потрясным вегетарианским борщом, потом под сковородкой с бараньим жарким, слегка подогреваю картофельные, с грибной подливой, оладушки... всего такого, уверен, Джо вообще в жизни своей за щекой не держала... тем не менее игривое настроение я умело сдерживал... ну, как говорится, слово за слово, хером по столу, аперитивчик, закусываем самодельными моими воланчиками с икоркой, с грибочками... ужасно аппетитная Джо по-деловому оглядывает стены столовой – картинки всякие, портретики, пейзажики, фигурки, гобеленчики, преподношения благодарного народа, то да се... вижу, что она старается скрыть деловой азарт, следовательно, и нетерпеливое желание поскорей начать сделку... однако жратва пришлась ей в самую масть.

«Стряпня, – говорю, – это мое хобби, как и лингвистика, рад, что нравится, но дело у меня вот какое: во-первых, готов с большой для вас выгодой обменять наши деревянные на ваши драгоценные баксы... во-вторых, могу показать кое-что интересненькое... в-третьих, ваше дело – верить мне или не верить, но нас никто здесь не видит, не слышит, дела я привык вести исключительно в одиночку... какой курс вас устроит?»

«Более высокий, чем ваш зверский – не меньше рубля восьмидесяти за бакс».

«О'кей, – говорю, чтоб не жадничать, – на первый раз пусть будет ровно два рубля, зачин – святое дело».

Разными купюрами отсчитываю пять штук рубликов, зеленью получаю две с половиной; вскоре я увеличу сию сумму в два раза, отдав за деревянные богатящему дантисту Шварцману, со всем своим семейством сваливающему на историческую родину; он будет счастлив, ибо крайне удручен тем, что пухнут мозги – не знает человек, куда девать «прессованную фанеру».

«Спасибо, Владимир, теперь я с удовольствием посмотрела бы что-нибудь интересненькое».

О'кей, притараниваю из своей комнатухи несколько отличных досок, по дешевке купленных у одного шаромыги, пару замечательных – с бирюзой – складней и обалденную акварель Зверева, у него у самого случайно взятую за литр водяры... прекрасного мазилу так ломало с бодуновой трясушки, что кисточка из пальцев выскользнула на пол... он с трудом ее отыскивал, ползая по полу, и не находил... а когда врезал на халяву виски из горла моей фляги – моментально нашел... конечно, ничего этого я гостье не рассказал.

«Выбирайте, Джо, что хотите, я назначу невысокую, но, извините уж, твердую цену, не сомневаюсь, что она вас устроит».

Глаза у Джо невольно разбежались; предложенный мною товарец был не паленым и весьма привлекательным, но вовсе не таким уж ценным; на крутые ценности я пока что

не тянул; главное было – заделать хорошую репутацию и приличную клиентуру; в сей бизнес и следовало вмазать первоначальный капитал.

«Очаровательно... это все, что у вас есть?»

«Завтра должно быть кое-что еще... тут у нас свои, знаете ли, трудности».

«Отлично, сегодня я взяла бы вот это, это и, пожалуй, это... нет, еще и это... пока что хватит... я себя разоряю».

«О'кей, – говорю, – во-первых, туфты у меня не бывает, во-вторых: 3 доски, XVIII век – по 200 баксов, 1 складень – 150, пьяный акварельный Зверев – 100, цена (мысленно сам с собой каламбурю, не зверская), цена – ниже нормальной... всего – 850... это очень выгодная для вас сделка, мэм, очень... многие, поверьте, хотели бы быть сейчас на вашем месте... мы ведь тут отлично знаем тамошние ваши цены».

«Хорошо, я вам благодарна... если не исключен дискаунт – он для нас дороже денег, – я взяла бы еще это и это... и, пожалуй, вот это, пардон, просто не могу остановиться».

Азартному русскому покупателю я б не преминул шутливо заметить: чего уж тут думать – или, как говорится, хер пополам, или манда вдребезги, но ведь с американской теткой не поболтаешь по душам.

«Пусть, – говорю, – будет по-вашему: 850, плюс 2 доски по 200, плюс последний у меня в данный момент складень – 150, всего – 1400, дискаунт – 5 процентов, всего – 1330, поздравляю, вы умножили свою коллекцию, не говоря о будущем профите... помните мое слово: цены вскоре станут фантастически бешеными, главное, баснословно увеличится спрос на вещи... Россия, сами понимаете, не исторически бездонная бочка с сокровищами, хотя скоро уж век как их расхищают».

«Для меня, Владимир, это не бизнес, а хобби... завтра, если не возражаете, приду с тремя друзьями, естественно, мы будем крайне осторожны... как вам нравится русское слово, придуманное приятельницей, она известная славистка: бес-по-коитус».

Я искренне посмеялся.

«Замечательное слово... ваша подруга, видимо, фригидна?»

«Что вы, наоборот, просто она голубая... вы не находите, что всем нам нужно руководствоваться не логикой нравственности, а внимать зову мыслей и эмоций так, как поступали Раскольников и Митя Карамазов?»

«Митя, по-моему, внимал не просто животным эмоциям, а духу истинной любви и образу красоты, которая окрыляла его и чуть было не довела до убийства папашки... философия Раскольникова никогда не была мне близка, а „беспокоитус“ будет мною взят на вооружение, передайте спасибо приятельнице».

«Великолепно... ваш английский прекрасен... интимный выбор партнера, Владимир, очень нелегкое дело... более трудное, чем принятие решения, кому отдать свой голос... особенно если ты имеешь гражданскую совесть республиканки, а психика твоя воспитана демократически и в духе новорожденной политкорректности, но когда и наоборот... впрочем, у вашей страны все это впереди... скажу по секрету вот что: личность Солженицына мне неприятна, но чисто политологически я всегда соглашалась с ним в одном: сегодняшней России нужна не безбрежная, саму себя, как у нас, уничтожающая либеральная демократия, а просвещенная политическая система, способная возродить саморазвитие всех порядков существования общества в оставшемся после Советской власти социальном и культурном хаосе, понимаете?»

«Как говорят русские, вашими бы устами мед пить, дорогая Джо», – сказал я, запоздало поняв, что говорю двусмысленные вещи, похожие на похабный намек, в стиле будущей эпохи Клинтона, большого любителя «ввинтить болт в башню», как любил выражаться мой уркаганистый дядюшка.

На мои слова Джо демонстративно не отреагировала, из-за чего я пристыженно покраснел, инфантил проклятый, и поинтересовался, что у нее за профессия; оказалось, что она профессиональный «байографер» – создательница, видите ли, популярных политических жизнеописаний республиканцев, пожелавших стать конгрессменами, сенаторами, иногда и хозяевами Белого дома.

«А вы могли бы тиснуть биографию демократа, кандидата в президенты?»

«Не смешите, Владимир, за приличный гонорар я бы настрочила краткое, но емкое и красочно обзорное деловое резюме для самого дьявола, причем со времен рая до ада и наших дней... оно несколько ретушировало бы его ориентации – расовую, политическую и сексуальную... да, настрочила бы, несмотря на то, что все мы, согласитесь, ходим если не под Богом, то под двумя богинями: объективностью и политкорректностью... что бы ни говорили о стандартности нашего мышления, – психика у рядового американца своя, причем менее здоровая, чем у вашего обывателя... мне даже кажется, что в России гораздо больше психики на душу населения, чем у нас и на Западе вообще... до завтра, большое за все спасибо, русский обед прекрасен... мне очень жаль, я вынуждена поспешить к друзьям... как у вас говорят: уходя, уходи к ебени дедушке... кстати, пожалуйста, не беспокойтесь о завтрашнем угощении, к сожалению, мы будем сыты, до скорого».

К выраженьицу этому обкорнанному и фальшаковому была у меня аллергия... ну что это за тупо зазубренное безобразие вместо родного «до свидания», с нежной его грустью перед расставанием, с надеждой на новую встречу?..

Джо охотно расплатилась и сложила всю приобретенку в фирмовую пустую сумку; мы простились.

Опс поджал свой обрубок, тяфкнул пару раз и сокрушенно взвизгнул, так враждебно глянув на меня исподлобья, что белки его глаз слегка потемнели и угрожающе сверкнули, как у полового соловья-разбойника... длиннющие уши поникли, он поджал смешной свой обрубок с игривой на конце блондинистой кисточкой, весь сделался похожим на жалкого, унылого и мрачного неудачника, безошибочно почуявшего: роман накрылся.

Джо присела перед ним, обняла, они расцеловались; Опс поплелся на свою лежанку; внезапно я ощутил, что, в сущности, он – это я, а я – это он, то есть что сейчас мы с ним – одно целое, лишенное того, чего хотелось бы нам обоим.

Странно, являясь нормально озабоченным этим делом человеком, наверняка я был в глазах гостыи и клиентки самым спокойствием, самой преданностью бизнесу, самым соответствием отличным манерам порядочного бизнесмена; если забыть о случайно брякнутой двусмысленности и, конечно, поверить с понтом всевидящему Фрейду, что таковая двусмысленность есть один из видов бессознательной оговорки.

15

Чтоб успеть до завтра, я почти не дрых; весь вечер, чуть ли не всю ночь и поутрянке, хитрожопо меняя такси и леваков, носился с ранее добытыми адресами по лоховатым, успешно мародерствующим охотникам за досками и всякой церковной утварью... называл себя то Тарасом, то Денисом, то Юрием, то Валерой... посетил знакомых художников, еле вязавших языки, совсем еще не известных на Западе бунтарей андеграунда... то есть успел вложить в новый товар почти весь свой доход... а тут на ловца и зверь побежал... за копейки взял у шалавой мамашки одного, как оказалось, подзалетевшего бырыги и ширяльщика 5 (пять!) рисунков раннего Кандинского... теперь возникла забота не как бодануть, а как притырить или перепулить за бугор свалившееся прямо с неба состояние, тянувшее на кучу тонн... под конец дня так устал, что, как набегавшийся на бульваре Опс, вывалил язык из пасти – было уже не до полоушных грез и приключений.

На следующий день после прихода Джо и еще трех иностранов – двух скучных дядек и невзрачной тетki – наварил чистыми баксами сумму раза в три большую... новые клиенты ужасно были рады, что дело провернуто не в подворотне, что не оглядываются, не мандражат они в каком-то вшивом фарцовочном закутке, а пьют чай с отличным слоеным тортом из загашника кондитерской в Столешниковом и рассматривают клевый товар, на котором отлично наварят да к тому ж и оправдают поездку.

Само собой, по отличному для себя и для гостей курсу, выменял я кучу рублей, на пару дней все-таки одолженных у Михал Адамыча, на приличную сумму баксов, затем ахово перепродал ее нуждавшимся отъезжантам... если б, думаю, каждую неделю так наваривать, то вскоре можно было бы стать скромным рантье... послал бы все эти дела куда подальше и ушел бы с головой в таинственные глубины лингвистики.

Держался я на встрече по-прежнему вежливо и твердо, как на солидном аукционе, не опускаясь до торгашеских пошлостей поведения... под конец подарил им всем по «бонусу»... иностранные радовались, как дети, старорежимным бронзовым статуэткам, недавно отлитым в мастерских Худфонда и искусно покрытым патиной... подарочки, решил я, могут быть заведомой туфтой, а товар, извините, – товар обязан иметь благородное происхождение.

Затем мы обменялись адресами, я дал телефон, по которому мне всегда могли бы позвонить рекомендованные люди, желающие нормально обменять баксы на рубли и приобрести что-нибудь интересное.

Весь тот вечер Опс ни разу не подошел к столу; вчера он, видимо, не на шутку увлекся привлекательной Джо, само собой, надеялся на роман, надеялся, бедный, встать на задние лапы и долго, долго трахать коленку Джо, воспользовавшись ее сочувственной растерянностью и врожденным либерализмом, не говоря уж о политкорректности, обязывающей любого человека внять зову собачьей страсти... в чем-в чем, а в ней есть примета равенства кальмара и черепахи, мухи и слона, жирафы и человека – словом, всего движущегося, млекопитающего и живорождающего.

Я-то понимал бедного Опса как никто другой, заодно уж и за него, за собаку, проклиная в душе бездушный эгоизм людской цивилизации, обрекающей миллионы кошек и котов, сучек и кобелей иногда на пожизненную невозможность случаться друг с другом.

16

Сразу же доложив в сундучок половину, отныканную у предков, выменял я разнотипную выручку на рубли у банных теневики и сваливавших за бугор «лиц еврейской национальности»; при этом все мы очень были рады; теневики – эти меня чуть ли не расцеловывали, умоляя любую доставать валюту еще, еще и еще – лишь бы освободиться от огромных рублевых сумм, прерывисто начавших дышать на ладан, по мнению крупнейшего подпольного консультанта, аналитика, стратега и тактика Михал Адамыча.

С Марусей мы иногда перезванивались, но ясно было, что отдаляемся друг от друга все больше и больше... однажды почему-то захотелось с ней встретиться... как прежде, поторчали бы вдвоем в каком-нибудь хорошем кабаке... попробую тайно проверить, не пробуждается ли во мне давнишнее желание трахнуть... представляя встречу, я не забывал, как однажды Маруся охладила мою страстишку начисто осаживающим, правда, незлобным взглядом, каким бедного Опса не раз осаживали на Тверском суки, не желавшие случаться... о как я, помню, переживал за него, чистосердечно старавшегося взобраться на старую знакомую по играм, черно-белую спаниельшу Маланью...

Подруга моя школьная училась в мединституте и подрабатывала во Второй Градской; я звякнул, зазвал ее в «Арагви»... налопались мы там, наподавали и наболтались от пуза... я прислушивался к себе – полный штиль... в Марусе по-прежнему не замечал ничего такого призывного, говорящего без слов, что спешить нам, милый, любимый, родной, некуда, жизнь прекрасна, сегодня весь у нас с тобою кайф впереди...

Сию, попиваю и думаю, что надо будет заявиться к Тамаре Валентиновне... дама эта частным образом весьма успешно занималась психоанализом с мнительными неврастениками и другими стебанутыми интеллигентами, краем уха слышавшими по «Голосам» о всепобеждающем учении Фрейда... главное, не нужно делать анализ крови, мочи и дерьма, а, как рассказывал один банный знакомый, расслабившись, лежать на удобном диване, лакать зеленый чаек, впитывать в себя «охуительно успокоительный», по его словам, сироп йогоских мелодий, выкладывать доктору интимные тайны детства, охотно всплывающие в репе из подсознания, и рассматривать аппетитные ее коленки... вот и я, чтобы не лезли они в репу, буду выдумывать чудовищные подробности про невыносимое влечение к маме и ее младшей сестре, безумную ненависть к папе, страх ходить по-большому, затем красочно опишу симптомы жуткой силы, звавшей меня, трехлетнего, забраться под юбку домработницы, непременно привру насчет некоторого возбуждения, испытанного при напрасной попытке выдоить деревенскую козу...

Между прочим, психоанализ, считавшийся властью реакционным лжеучением, продолжал быть запретным плодом вместе с вражеской сексологией; из-за нелепой темноты властей многие «инакомыслы» так страстно вчитывались в самиздатские перепечатки сочинений Фрейда, как будто вместо мамы тянуло их со страшной силой изнасиловать родную КПСС, зверски расчленив дорогого Леонида Ильича, с частями же оного скверно поступить, как пелось в одной песенке; кроме шуток, подпольный психоанализ сделался окрыляющей религией для многих начитанных людей, изголодавшихся по толкованиям странностей внутренней жизни, явно связанных с сексуальностью, зверски подавленной бездушной тиранией властей; в те времена ни в романах, ни в публицистике, ни в кино, ни в театре ни слова, как и о евреях, ни словечка не было ни о сексе, ни о подноготной неврозов и прочих странноватых травмах психики.

Если честно, то мне все это было до копчика вместе с Фрейдом, партией и ее генсеком, но пусть, думаю, разберется дефицитная Тамара Валентиновна, почему это отвратительно меня подташнивает после захватывающе страстного секса с телками и с тетками,

но в то же время одна моя близкая знакомая, видимо, уже прошедшая в дамки и втрескан я в которую по уши уже лет десять, нисколько меня не волнует, – что это за злоебитская сила?.. и почему мне без разницы, кого трахнуть, – эту душевно обожаемую знакомую или высокоценную гипсовую «Девушку с веслом», которая вызывающе торчит на берегу искусственного водоемчика в ЦПКиО?.. видит Бог, скажу, Тамара Валентиновна, любил я и люблю подругу со страшной силой, надрезав палец, тиснул кровью две элегии, ей одной посвященные, но известного влечения с некоторых пор не испытываю... не мучает оно меня ночами, особенно под утро, когда, не буду врать, рад бы оттянуться даже с жутковато прыщавой гримзой, то есть с завучихой школы, если не с другой бабой-ягой, лишь бы отбомбиться не на простынку, не в трусики, не в толчок, не в промокашку... сами посудите, должна ведь наличествовать причина такого вот ненормального положения в моей жизни, хотя в остальном не задолбан я этим вашим злоебучим аутоэротизмом... разумеется, боже меня упаси от идентификации любимой девушки с собственной мамашей – вот такого уж не снилось мне в самом страшном сне... более того, не буду скрывать, несмотря на все моральные табу, соседку незамужнюю ебу и, не состоя в некрофилах, лично Ленина видал в гробу... я совершенно не извращенец, классика полового акта для меня – святое... так в чем же, скажите, Тамара Валентиновна, дело?.. может быть, я урод какого-нибудь редкого типа?.. если так, то что тогда делать и как быть? – не вешаться же на бельевои веревке...

Я в тот раз немного забылся; вдруг Маруся без всякой подъебки и злоехидных улыбочек прерывает мутноватый поток несчастного моего сознания:

«Спорим на мороженое с шампанским, что я читаю твои мысли?»

Это меня ошарашило, но все-таки не из тех я был бздиловатых коней, что не принимают пари.

«Согласен, валяй, говори... кому-кому, а тебе всегда рад проиграть».

«Иногда, как сейчас, ты не можешь не думать о причине своей ко мне, скажем так, холодности... продолжать?»

«Хлопну вот одну – и продолжай, хотя мороженое с „шампанзе“ уже за мной... ты угадала, сейчас закажу».

«Ты, Олух, прекрасно знаешь, что давно уже тебя люблю, соответственно, считаю своим, верней, чужим, но все равно единственным в моей жизни любимым человеком... если не ошибаюсь, и ты ко мне не равнодушен... но то ли сознательно, то ли бессознательно, ты, скажем так, не готов относиться ко мне как к единственной из женщин... дело же, сам понимаешь, не в том, чтоб трахнуться... однажды я, дура, проделала сие исключительно ради внесения полной ясности в данный мировой вопрос... и разобралась сама с собою раз навсегда – не сделаюсь я ничьим, даже твоим, постельно-испытательным полигоном... я – твой друг, ты – мой, ближе тебя никого на свете у меня нет и никогда не будет, вот и все».

Говорить мне тогда было нечего; «шампанзе» не брало, пломбир почему-то вызывал ненависть; мы довольно мило болтали о том о сем, потом я на леваке довез Марусю до дома, с тяжелым сердцем чмокнул в щеку.

Я не мог не презирать себя за трусость, несомненно связанную с жадностью потерять всех будущих женщин в обмен всего лишь на 1 (одну!) ... поэтому всегда чувствовал себя полным дерьмом по сравнению с нею, совершенно правильно не желающей трахнуться со мною – с диким иноходцем, с мустангом, шарахающимся прочь от ужаса перед бытовои оседланностью... должно быть, думаю, правы мужики-магометане, имеющие в гаремах дюжину жен, а когда и сотню... и никакая я не загадка психоанализа, а дерьмо двуногое, бегающее от дарованной мне ценности – от единственности любви... но ведь не понимать хотел бы я сей дар, а искусственно его почувствовать – вот в чем дело... если не получается, выходит дело, я все-таки поражен какой-то отвратительной двойственностью чувств и мыслей... поэтому и суечусь с утра до вечера, шалея, как кот весенний, от вида любой

утробно мурлыкающей кошки, или, как ОПС, вечно тоскующий по связке с любой сучкой, а бывает, и с игривым кобельком, что лично мне глубоко чуждо... а раз известная причина торчит на поверхности, то на хрена мне дорогие разговорные сеансы с Тamarой Валентиновной, уверенной, подобно всем психоаналитикам, в величии фрейдовской универсальной схемы?.. она для нее не перестанет быть неким телезондом, наконец-то добравшимся до глубин подсознания... сам я полагал, что правильней говорить не о всеизвестной схеме, а о глубочайших пластах памяти, почему-то скрывающей от людей разгадку некоторых тайн их индивидуальной и родовой жизни... хотя вполне возможно, что нет никаких у меня тайн, а просто я жалкий раб половой распущенности, как сказала та же завучиха, выдворяя меня со старшечкалсннцей из девчачьего сортира...

17

Так вот, я постарался провести как можно больше сделок все в том же стиле, не привлекая к себе внимание, пока литгенерал был занят в Пицунде пошивом дешевенького литширпотреба; он, конечно, еще не понимал, что лично на него, как и на миллионы других людей, на с понтом всепобеждающие идиологемы, мифологемы да философемы Советской власти, на подзагнивший базис и смердевшие надстройки – на всю нелепую Систему – надвигается исторический пиздец; и не какой-то там уже виден на горизонте земной рай с воздушными замками и голубыми городами, где от каждого – по способностям, каждому – по потребности, а вот-вот грянет неожиданная перестройка, с чудовищной безалаберностью продуманная растерянными паханами партии; а за ней – что за ней, если забежать вперед?... распад империи, катастрофы, митинги, кооперативы, рэкетирь, возвращение свобод, разграбление госсобственности, экономические новшества, дальнейший разгул дальнейшего беспредела; я хоть краем уха слышал о надвигании всех этих дел, но ведь чего-то такого не ожидали от СССР ни зажавшиеся на холодной войне хваленые спецслужбы Запада, ни куча русофобствовавших Бжезинских, ни финансовые воротилы, ни политиканствующие лидеры Европы и Америки; крушение совковой эпохи не снилось ни нормальным людям, ни свободолобцам, дерзко мечтавшим о возможности революционных перемен, ни замечательным писателям и поэтам, ни талантливым нашим дельцам и экономистам, тосковавшим по свободному предпринимательству.

Сам я только благодаря беседам с Михал Адамычем впервые услышал о надвигающемся крахе Системы и империи, а также просек, что Китай, покончивший с догмами утопического учения на десять лет раньше России, прекрасно понимает, из какого тупика медлит выбраться туповато дебильная старшая Система, и что на руку ему нелепая ее, малопонятная медлительность; при этом Китай наверняка думает: подольше бы ты, дура, не выбиралась на глазах у нашей Поднебесной из марксистско-ленинской грязищи, чтоб ты провалилась сквозь кору земную...

«Так что, Володя, – сказал однажды Михал Адамыч, – и привычная грызня, и будущая дипломатичная русско-китайская дружба – всего лишь маневренные свойства *игры*, как говорят циничные политики и политологи... вот она и идет эта *игра*... никто не знает, когда и чем она кончится... естественно, я болею за Россию, но в данный момент не уверен, что всем нам гарантирована победа... положение, поверьте, очень и очень серьезное, поскольку частническая и групповушная алчность берет верх над общенародными и общегосударственными интересами...»

Тема краха Системы весьма тревожила крутых теневиков, много чего узнававших в баньке от знакомых деловых коррупщиков со Старой площади и с Лубянки.

Михал Адамычу, как я понял, стало в те дни не до меня; он был необходим реформаторам и даже тем бывшим верховодам, которые официально продолжали ворочать крупнейшими делами и громадными суммами бывшей Системы, потерпевшей не стихийное, а вполне закономерное, предопределенное тупостью ее фюреров, бедствие.

За валюту многие мои знакомые рады были платить в те дни по бешено черному курсу, словно процесс бурного одеревянения рубля пошел с поистине необратимым ускорением; деревянные же рубли, «фанеры», было у них несметное количество.

Между прочим, я с замечательной быстротой овладел ивритом и подолгу трепался на нем с состоятельными людьми, сваливавшими в Израиль или в иные страны – вплоть до Австралии и Новой Зеландии; адреса их передавали мне те же теневики-мультимиллионеры, разумеется, не задарма получая их у своих людей в ОВИРе; я с выгодой для себя и для теневиков скупал рубли за валюту, затем с еще большим наваром бодал рубли туристам-ино-

странам, азартно за ними охотившимися, а вырученную валюту вновь сбывал теневикам; все были сыты, все целы, конвейер мой мантулил по-фордовски, то есть практически безостановочно; главное, везуха мне не изменяла ни с ментами, ни с лубянскими, ни с обэсэсниками; но я был осторожен; всегда вел дела вежливо, без обычного, ставшего всемирно легендарным, быдловато совкового жлобства; клиенты были мне глубоко благодарны еще и за снятие страшков с их непуганых психик, типа о, Джизус, вот-вот заловят рожи полицейские, отнимут визы, ограбят, снимут все бабки с карт кредитных, а если не завербуют, то сгноят в подвалах Лубянки и на заготовках урана...

В общем, благодарный клиент, как я понял, быстро размножает поголовие других отличных клиентов, тоже падких на удачный обмен валюты, всякий экзотический товарец и на прочие золотые жилы.

Иногда кое-кто из ранее жлобствовавших столичных богатеев, привыкших тратить в «Березках» серты, купленные у меня же, и отчаянно нуждавшихся в валютке, принимал решение гульнуть во все тяжкие по буфету, пока не лопнуло все оно к епископовой матери, как выражалась Маруся на уроках истории.

Поведение этих людей было понятным; ведь будущее страны, трагически нелепо заведшей себя в тупик и оказавшейся на краю пропасти, пованивало массой непредвиденностей; поэтому кое-кто ужасно в те дни осмелел и, трухая наездов то ли урок, то ли осведомленных, теряющих работенку гэбэшников, спешно пооткрывал заначки с накопленными ценностями; тут уж я не зевал; трезво, не допуская никаких эмоций, оценивал антиквариат, картинки, рыжье, соболиные и выдровые шкурки; пару раз мне вообще необыкновенная перла везуха; я приобрел, выпотрошив чуть ли не все свои валютные запасы, несколько редчайших камешков; боданул их за дикое количество «фанеры» знакомому по бане главному снабженцу-пройдохе из Патриархии; рубли, естественно, обменял у клиентуры из-за бугра на валюту, причем так удачно, что вышло раза в два дороже, чем шли те же камешки на здешнем рынке; это уже была серьезная раскрутка.

Небольшую часть наваренных бабок я вбухал во внутренне довольно надежную «Ладу» одного отъезжанта... внешне она выглядела полнейшей развалиной, но меня это устраивало, более того, я ее считал принцессой, прикинувшейся нищенкой... вечно алчным рэкетирам-гаишникам я всегда щедро отстегивал якобы штрафы то за превышение скорости, то за грязный кузов, то за аварийную неотремонтированность, то просто за отмашку хищнической ихней палки – им всем тоже надо было жрать, пить, кормить баб с детишками... я это просекал, не жлобствовал, не залупался, поэтому многие из них стали приятельски ко мне относиться, даже козыряли, когда тарыхтел я мимо них, громыхая крыльями и бамперами.

Тут как раз вернулся из Пицунды загоревший мой кирюха с предками.

«Спасибо, Владимир, – сановно говорит писатель, уводя меня на кухню... – справедливо имеешь бутылку за выручку, за подлеца обжору и собачьего нашего Луку, понимаете, Мудищева, которому не мешало бы по-сталински ликвидировать яйца... он же всех сучек во дворе, что называется, террористически перебал... люди палками от него отбиваются, им не нужны щенята с длинными ушами, а моя половина возражает, что лучше бы я, понимаете, себя кастрировал, чем его... ну и за воинскую в казарме нашей чистоту – вот ваш законный гонорар, не вздумайте отказываться, в вашем возрасте без денежек можно только драть... если бы не вы, я ни хера бы не закончил эпопейного романища, хотя тема давнишней борьбы в Прибалтике с бандитами национализма и сепаратизма, поддержанными зарубежными спецслужбами, к сожалению, остается открытой, поскольку бандиты, сволочи антирусские и прочие антисемиты не дремлют... да, да, они реваншируют и требуют, представьте себе, сепаратизма независимости, если не наоборот... так прямо и заявлю в ЦК: какая на хер независимость, какой там, понимаете, сепаратизм, когда выжечь надо к евгени марковне все это требование исключительно однозначными огнеметами или одним ядерным

ударом, он будет легче Чернобыля, точка... вы что, остолопы, проворонить желаете всю сверхдержаву или расстреливать больше некого?... пропади все оно пропадом, вскоре срочно вылетаю в Штаты для экскурсии по залам криминального музея ФБР, в порядке планового русла гениальной нашей разрядки напряженности и вопреки проишкам Уолл-стрита... по-ленински буду учиться опыту у незадачливого классового врага, потому что интерес масс к серьезной литературе гаснет к общеизвестной матери... так что пора, пока не поздно, ответственно взять на себя смешение соцреализма с детективной классикой нашей эпохи... буду создавать „Преступление и наказание“ эпохи развитого социализма, а братцы Вайнеры – эти шустеры – пусть отдыхают, они всего лишь два атома еврейской национальности, а я как-никак целая русская молекула... вы нам помогли с Опсом, да и Галина Павловна, как прописали, спокойно подлечила нервишки... наш разьебай и ваш дружок, думаю, не завалит переэкзаменовку... завалит ежели – враз пойдет отдавать интернациональный долг прогрессивному человечеству и – никаких Луев, как правильно подмечал еще Робеспьер... вы хоть повлияйте на Константина в лучшую сторону... вот что, это мысль, вы его, между нами, сводите к девкам, но, как пролетарии всех стран, соединяйтесь и предохраняйтесь... да, да, сводите увальня или приведите девок к нам, я, безусловно, оплачу все ваши так называемые палки... кроме того, привезу обоим по дюжине американских гондошек „олл райт“ и джинсу, а то ходите оба, честное слово, в рванине, как сантехник Вася из вражеской Эстонии и дворник Гамлет из дружественного Баку... главное, учтите, оба они жулики, их нельзя впускать в квартиру без надзора... не я же зимой спиздил сам у себя столик из пальто, что на вешалке?... это же нонсенс, нормально говоря, полная хуйня... итог: спасибо, заходите и в общем, и в частности».

Слава богу, что подошла к нам Галина Павловна; трепливый писатель сник, когда ее увидел, и свалил; она меня тоже поблагодарила; я смешался, что-то промычал, безумно покраснел, невольно почему-то сообщив, что часто смотрел тут телик с одной своей знакомой.

«Передайте Мэри мой привет».

«Это была другая девушка».

«Вот как... все равно передайте, будьте добры, привет именно Мэри – она прелестная особа».

Ах, Галина Павловна, – как мешком меня пыльным прибило, когда стоял я рядом с ней, ослеплявшей красотой и свежестью загорелого лица, наповал разящей женственностью фигуры, манерой речи, голосом постоянно медовым, спокойным взглядом серо-зеленых глаз... вот о ком грех было бы сказать: дама со следами былой красоты... во-первых, было ей не больше сорока трех... во-вторых, однажды я вдруг взглянул на нее глазами юнца, уже измотанного злоебитской силой слепой похоти; взглянул – и коленки у меня моментально подогнулись от ее живой, властительной, но, елки-палки, неприступной, как чертог небесный, красоты... какая уж там единственность любви? – я вновь почувствовал, что действительно не готов к вечности такого чувства и правильно делал, что никогда не клялся Марусе в любви до гроба, что не врал и не барахтался в трясины выяснений отношений...

Договорившись с Котей встретиться, я попросил у Галины Павловны разрешение поошиваться у них на даче.

«Трудно, – говорю, – жить с предками... слишком уж тесно там для ума и души позору семьи, то есть мне, бросившему школу, но самостоятельно занимающемуся лингвистикой... у нас дома даже негде разместить десяток огромных словарей... если хотите, могу взять с собою Опса, он – единственная в моей жизни любимая собака, теперь мне будет без него тоскливо».

«Что вы, Володенька!.. Опса не отдам, я безумно по нему скучала... он больше, чем кто-либо, чует все мои душевные настроения... поезжайте, живите там сколько угодно... надеюсь, вы помните прежние мои наставления насчет света и газа?»

«Не беспокойтесь, все будет в порядке... большое спасибо, не забывайте, что всегда можете привезти Опса, когда улетаєте из Москвы».

Галина Павловна вежливо со мной попрощалась – зуб на зуб у меня не попадал от прикосновения к ее теплой руке.

Потом мы с Котей отправились в пивной бар Домжура, где иногда «выбрасывали» раков; башка моя продолжала кружиться от мелькания в уме образа его прелестной и недосягаемой маман.

Кстати, в тот раз я стал внимательней присматриваться к Коте, но не заметил в нем, как в одном педриле, знакомом по бане, ни многозначительных взглядов на интересных дядьков за соседними столиками, ни каких-либо иных манер и ужимок, свойственных голубым; однако чем больше я о нем думал, тем вернее казалось предположение, что Котя – малый из глубоко латентных педрил, и если это так, то жизнь кирюхи моего, настоящего поэта, должна быть невротичной и очень нелегкой, очень.

18

Прекрасно, я был счастлив, имелись ключи от дачи, а долгов не было ни копейки; просто десны чесались, словно у младенца, – так хотелось тишины и уединения; я на самом деле устал; чудовищно надоело зарабатывать бабки и суетиться в городском вертепе; тянуло подзабыть ежедневный крутеж-вертеж, встречи, сделки, калейдоскоп мелькающих рыл, сливавшихся в конце дня в удручающую кашу безликости.

Приобретенную тачку я, разумеется, не ставил возле дома; бабок теперь хватало на все – даже на рентуемый неподалеку уютный гаражик... он был похож на огромный сейф... главное, из бочины небольшой смотровой ямы я вынул несколько кирпичей, вырыл там заначку, притырил свое достояние – на душе стало поспокойней.

Делать бизнес, разъезжая в тачке по Москве с деловыми «туриками», было гораздо проще и безопасней, чем в сквериках и в кабаках; там можно было засветиться и попасть на мушку ментовской, а то и лубянской слежки; кроме того, из тачки было удобно выпроваживать иных шибко словоохотливых клиентов.

Я свалил из города... несколько дней в полном одиночестве ошивался на даче... много читал, болтался по окрестным лесам, никакого не чувствуя желания возвращаться... чтоб пореже уязвляли навязчивые мысли о роскошном теле Галины Павловны, старался забываться у старого телика или над книжкой... выжимал раз по пятьдесят Котину штангу.

Иногда неожиданно для себя срывался в Москву, вел Котю в кабак, болтали там; он знакомил меня с новыми стишками; от кадreja телок Котя всегда отказывался; мы надирались, потом я под балдой линял на дачу, повторяя про себя понравившиеся строки.

зайти на телеграф очухавшись едва
и непонятный бланк подать в окошко
пусть до костей озябнут все слова
бродя по проводам продрогшим
вот вижу их в Москве остановили
вы дверь свою открыли впопыхах
они вам ничего не объяснили
а просто отогрелись на руках...

Еду на дачу и думаю: бедняга Котя, ведь это не девушке посвящено, а наверняка какому-то мужику... если не мистическому, то не мне ли?... нет, ни тени ничего такого никогда между нами не было да и странно выглядело бы мысленное обращение ко мне на «вы»... на его месте я бы не маялся, как не маются тыщи забугровых парней и мужиков, причем столичных, не говоря уж о бисексуалах, а, как шутил один мой приятель, взял бы и заимел умного, образованного человека, знакомого с тайнами китайской кухни... так и прожили бы вместе всю остальную жизнь, поскольку прошли времена Уайльда, пианиста Игумнова, Вадима Козина, солистов балета Большого театра, даже, поговаривают, Маркса с Энгельсом и Берии с Маленковым, которых Гуталин под конец жизни обстоятельно подозревал в антипартийных замесах Глинки, бессознательно ассоциируя это дело с Чайковским, якобы пытавшимся растлить Римского одновременно с Корсаковым, – ходила такая байка в нашей школе...

В тот раз, из-за того что думал и забылся, мне не повезло – мент дал отмашку своей каторжно-полосатой палкой; пожевывая импортную антиполицейскую спецжвачку, я, не долго думая, заебал ему мозги.

«Виноват, командир, спешил домой, чтоб башку жене оторвать, которая в данный момент – был такой сигнал от друзей – харится, гадюка, с лучшим моим другом детства... а вот вы, командир, что бы вы сделали на моем месте при возгорании справедливого гнева в живой душе человека и мужа?»

«Не женился бы в такие твои годы – вот что я сделал бы и успешно продолжаю делать со своим чисто предупредительным гневом... хотя продажная любовь дорожает, проказа, а лимитных профурсеток и прочих внедорожниц у меня без ЗАГСа – хоть жопой ешь в такое гнойное наше время... бабу свою не заваливай, не советую, лучше поезжай обратно... логично рассуждая, звякни телке, я дам телефон, скажи, что от меня... отдулись там с ней по всем правилам, то есть сикись-накись-окись-перекись... а дома – дома ты закоси импотенцию на нервном уровне... и, по данному мотиву, разведись со своей шлюховатой половиной... а подонка, ей вльндившего, обоссы при людях, пусть знает, гондон, что такое суровая дружба мужская на международной арене... вот возьми шурина, моего кирюху, он был классный боксер, в полутяжах ходил, но запил и ушел на хуй в преступную группировку... так вот, он что сделал с беспределом начальника, который особо цинично изнасиловал его супружницу прямо на ебаном переходящем знамени горкома партии?.. сначала, возмнив себя самим Господом Богом, крикнул секретарше, что его нет, ну и аля-улю... затем скрутил женщине руки веревкой, прямо как Кащей сказочной Людмиле, ну и понеслось там у них натуральное насилие... возмущенная баба шурина, не будь дурой, как и положено, временно промолчала – начальство есть начальство... а сама сходила в экспертизу, затем пожаловалась шурина, который полутяж... у тебя случайно нет с собой бутылки?.. ладно, хер с ней, с бутылкой, а то устаканили бы создавшееся в твоей жизни нежелательное семейное положение... является, значит, шурина к начальнику и говорит секретарше, чтоб не вздумала, падла поганая, беспокоить такой визит, если хочет жить, красить ноготки и напomaживать пухленькие губки, известно для какого иносекса, потому что обоих целый час не будет в кабинете, тебе ясно?.. заходит туда и – хук начальнику горпищеторга, паскуде, слева... хук ему, крысе, справа, тот, само собой, с копыт... разложил он подлое, тупое, начальственное животное и депутата на полу все на том же переходящем знамени... вставляет ему промеж зубов футляр от очков, чтоб ни сантиметра, упаси, Господи, не откусил, обливает водой из графина, чтоб вышел из нокаута, а в графине-то, между прочим, чистая была водяра... поэтому шурина сначала поддал, а начальник управления тоже очухался, вытаращил фары, узнал мужика своей подчиненной завмагши, мычит, паскудина... тут шурина начал законное предварительное мщение... то есть, согласно правилам движения, вставляет он сначала насильнику тому за правую щеку... поглумился какое-то время, граф МонтеКристо херов... потом переворачивает эту сволочь полуживую, ставит раком, пристраивает „Зенит“ свой на автофотку... вазелин, понятное дело, был с собой для такого справедливого отпетушения... быстро влупляет, а весь этот красноречивый фак автоматом заделывается на пленку... все – человек на крючке, теперь ему, как князю Игорю, ни бзднуть, ни пернуть измученной душой... не гони, Владимир Ильич Олух, картину, это еще не конец, дай отдохнуть от правил движения... ты куда спешишь-то, не в коммунизм ли?.. если так, то хули спешить, когда его не будет... и неужели ж так тебе охота замочить подлого этого внедорожника, чтоб подсесть на червонец по смягчающим обстоятельствам?.. без бутылки могу пойти свидетелем, что ты был в аффекте гневной ревности... забудь, пусть они там шкребуются, мы их, падлюк, еще заставим поджениться в плане охраны морального кодекса от всяких мандавошек, а ты живи на свободе... жизнь – это диалектика природы, но вовсе не вяленный секиль Надежды Константиновны Крупской... в общем, берет шурина пустой графин и заносит таковой над башкой горпищеторга... тот скулежно мычит, так как футляр мешает голосовому извинению: е уай, мычит, я ео оо ое е уу, то есть не убивай, я, честное слово, больше не буду... ои ее, мычит, ои аи ои ое... шурина, вообрази, без слов путем все понял, открывает стол,

где у этого гондона лежала очередная взятка, берет ее и говорит, что так, мол, и так, даю тебе три дня срока, пидар гнойный: с тебя, козел, еще пять штук баксов за насилие, унижение и оскорбление... счетчик включен, потом будем в полном расчете, но баба моя завтра же получает от тебя новый гастронорм, что на Кутузке... догнал, гнида ты мелкая, крыса и позор родной отчизны? – новый, я сказал, идет в объяве гастронорм... иначе, считай, что ты, тварь, зацементирован до конца света в железобетонные новостройки, но сначала фотка твоя появится во всех газетах Запада... вот как по-мужски надо поступать, Владимир Ильич... короче, поезжай домой, а завтра хладнокровно разберешься с обоими... друг-то кто у тебя, жену поябывает который?»

«Внешторг, оттуда у нее джинсы, сапожки, джин с тоником».

«Ну тогда ты в порядке, а друг в глубокой жопе... могу помочь – мы его мошонку превратим в авоську, чтоб уважал, подонок, дружбу и порядочность, а не харил жену приятеля и друга».

«Спасибо за совет, командир, давай телефон, поеду к твоей телке, с меня бутылка с закусью, а бабу свою... я ее, оторву, возьму вот так за горлянку, приподыму сволочь такую, наебну башкой об стенку и скажу: ну где ж твоя благоверная совесть, мандавша ты неслышанно внесемейная, а?»

«Вот именно, Владимир Ильич, поезжай, но еще не конец света, типа анекдот не кончен... Сестра моя, завмагша, тоже зверски подвела своего боксера под монастырь, хотя он и сам не подарок порядочной даме на День милиции... по ночам гуляет и однажды приносит в дом трепак от какой-то бездомной лимиты, бежавшей в связи с дружбой народов от узбеков, где ее заморили до бездетности хлопковым пестицидом... представляешь, нашел, дурак, чем наградить вторую свою половину... а сама жена, блядище, тоже хороша гусыня... она уже, видите ли, хозяйка гастронорма на Кутузке, в подвале дефицитная бацилла – так хули ж не броситься во все тяжкие гулевого разврата... она и бросилась: тут и тряпки, и духи, и киноартисты, и оперетта, и циркачи-акробаты – им ведь всем жрать и пить охота... поэтому она, сама о том не зная, многих успела наградить той же самой венерой, в дом занесенной шурином, боксер который... кто-то захерачил донос, как у нас умеют, – хоть говном людей корми, все равно телегу тиснут... скандал на всю Старую площадь... является санинспекция, вендиспансер, ОБХСС, сестру отстраняют от гастронорма до выздоровления мазков... ну и наш гулявый боксер запел частушку:

выйду я на рельсу
на самую середину
пущай мне отрежет хуй
сукиному сыну...

Вот поэтому я и не женюсь... но его баба быстро вылечилась, они помирились, сейчас водой не разольешь, особенно когда вода – коньяк... он даже сделался телохранителем у бывшего управляющего... если, говорит, начнут заваливать, я его, гаденыша, подставлю в первую очередь, а сам останусь ни жив ни мертв, то есть сам по себе... так что разводись и больше не подженивайся... гляди-ка, гляди-ка, опаньки – это она, ее, Милкина, «хонда», точь-в-точь как поет из-за бугра певец свободы Алкашовский...

занесло студенточку с бедрышком крутым
собственная тачка сама косая в дым
козырная попка а промежду ног
востренький глазочек пушистый соболек...

Это мне она чувственно светофорит: валяй, мол, в будку... а я что? – я всегда готов, жизнь есть жизнь, у меня, считай, весь голос природы за глотку схвачен, а если хочешь, мы ее в два смычка отрепетуируем – и никакой тебе жены не надо, этой Милки тебе дня на два хватит, ну как?»

«В другой раз, командир, сегодня травме моей души уже не до групповухи, спасибо, пока».

Такого рода байка насчет харева жены с другом, рассказанная по системе Станиславского, всегда меня спасала от проверок на бухалово и от прочих наказаний за нарушения; но однажды я погорел есть во весь... вечер... еду пьяный в сосиску... останавливает мент... на него не глядя, достаю правишки, в них уже готова отступная сумма... еле языком ворочаю, башка идет против часовой стрелки, но рассказываю командиру все то же самое – насчет жены, которую в данный момент подпиливает лучший друг... выходим, орет, на хер из кабины, руки за спину, иначе стреляю, сучий твой потрох, на поражение... теперь ложимся, я сказал, ложимся, вот так... и ползком, я сказал, ползком – в будку... работаем одними мускулами живота, то есть исключительно по-змеиному, и не вздумай обосраться – проснешься на том свете, пока жена дружку твоему подворачивает... делать нечего, вползаю в будку, лежу на полу и вдруг засыпаю... затем очухиваюсь... светло, я один и в пышной кровати, соседняя подушка примята, но ничьей на ней головы... остального тела тоже нет под одеялом... фотки вокруг, картинки, танго какое-то звучит – просто Дворец съездов, а не вытрезвиловка... и тут склоняется надо мной она... боже мой, милая такая свежая молодка, лет под тридцать, аж скрипит под руками, словно первый снежок или кочанок деброй капусты... вот – подносит к губам моим опохмельно гунявым запотевшую стопочку граненую, а эти ж грани в минуту жизни трудную всегда, клянусь, дороже мне брильянтов... глотаю, дает подавиться черняшкой с килечкой и соленым огурчиком... и вот тут-то, ничего еще не помня, не понимая и не зная, с какого ж это хера тут очутился, заплакал я от счастья и любви ко всей природе, ко всему миру, к жизни на земле, к неслыханно свежнему, к нежному телу, к драгоценной килечке на кусочке черняшечки с соленым огурчиком... чую: от тепла небесного прорезываются на лопатках спины моей крылышки... и, конечно, началось у нас с незнакомкой такое, что иначе, чем кратковременно истинной любовью, я бы непонятную такую катавасию, право, не назвал... и пусть быстроживущее это чувство было подобным мотыльку, существовать-то которому остается ну час, ну от силы два-три дня, однако ж ясно, что мотылек кайфа волшебен, что, как любое живое существо, переживет он в янтарики памяти моей и незнакомку, и меня, и сказочность случившегося с нами... ни слова не скажали мы друг другу целый час... а потом входит вдруг, между прочим, тот самый мой знакомый мент и весело так объявляет: подъем, Владимир Ильич, ты не в Мавзолее, ебена вошь, сходи поссы, пока не напрудил в двуспальную кроватку... короче, незнакомкой была Клава, подружка его невесты Майи, которая и отвезла меня, мертвецки одуревшего, в их с ментом квартиру... я с радостью потащил их всех в «Арагви»... а там уж мы поохотали и над моей байкой, и над ментом, клявшимся не жениться до отставки, и вообще об отрадных случаях жизни, снимающих с души скуку однообразного существования... три дня продолжались счастье и любовь, но ведь мотылек кайфа – на то он и есть мотылек, а иначе был бы он болотной черепахой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.